

АРТМИФО АМЕРИГО

18+

Арт Мифо
Америго

«Автор»

2022

Мифо А.

Америго / А. Мифо — «Автор», 2022

ISBN 978-5-532-92569-4

Летающий город, боги из папье-маше, искусственные цветы и благоразумие в склянках... Мир Корабля абсурден до смешного, но никто не смеется — и жизнь течет так ровно и неслышно, что кажется, будто у Корабля нет ни прошлого, ни будущего. Но даже такой мир стоит на тысяче надежд, и рано или поздно каждая надежда разрешается взрывом. «Америго» — это роман-парабола, где за фасадом антиутопии скрыто несколько удивительных человеческих историй, возможных только в «реальности наоборот».

ISBN 978-5-532-92569-4

© Мифо А., 2022

© Автор, 2022

Содержание

СМЕЛОСТЬ	6
I	6
II	25
III	42
IV	55
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Арт Мифо Америго

Посвящается тебе

Прошу, не показывай маме,
От папы подальше держи.
Родители будут в тревоге,
Решат, что я выдумал сам.
Все это – неправда, но я не соврал!

СМЕЛОСТЬ

I

Мадлен Левская (называли ее Леной или фрау Левской) опекала Уильяма со времени смерти его матери, то есть с самого его рождения. Она жила с мужем Рональдом на 3-й Западной улице Тьютонии, в четырехэтажном доме-апартаментарии, населенном по большей части такими же, как она, рабочими ткацкой благофактуры «Зайденкляйд».

Как и многие другие пассажиры, фрау Левская почти целый день проводила на службе. Ее едва-едва хватало на сон и домашние дела, но Уильяму запомнилось, что по утрам на столе посреди одной-единственной комнаты всегда стоял роскошный пирог – пышный и затейливо украшенный, как декоративные подушки в богатых домах членов командования. Начинка была особая для каждого дня недели, и Уильям давно уже не мог и помыслить о понедельнике без явственного аромата клубничного джема, четверг он не представлял без абрикосового, суббота пахла лимонами.

Слава о пирогах фрау Левской распространилась далеко за пределы не только апартаментов № ..., но и 3-й Западной улицы, да и, без преувеличения, всей палубы Тьютония. Фигуры чванных Господ – так называли членов командования – вырастали в дверном проеме в ранний утренний час, когда герр и фрау Левские еще не выходили на службу, и в конце концов Уильям привык и к этим фигурам... хотя его удивляло, что мама ничего не берет с этих Господ взамен, а только улыбается так, что видны все ее зубы, да подливает в чашки душистого кофе. Но мальчик не задумывался об этом надолго – запахи корицы и джема увлекали его куда сильнее. Что касается Рональда, то он сидел за столом вместе со всеми, покорно глядел на лица властителей, снизошедших к его очагу, изредка кивал и коротко объяснялся, когда они задавали очередной дружеский вопрос, ответ на который заранее был известен. Несмотря на пугающую прожорливость своих гостей, Лена Левская всякий раз ухитрялась выхватить из их мясистых пальцев с выхоленными голубыми ногтями последний кусочек, чтобы отдать его потом любимому приемышу.

Переждав такой утренний визит, Уильям обычно отправлялся в Школу. Это учреждение было устроено для того, чтобы привить детям основы Книги Заветов – руководства к жизни, созданного самими творцами – и ознакомить каждого из них с историей и назначением Корабля.

Знакомство с Заветами начиналось как можно раньше – дети посещали Школу с шести лет.

Когда маленький человек достигал этого возраста, в особый день года его одевали в короткий белый костюмчик с длинными белыми чулками, обували в белые башмачки, брали в охапку и – несли так в Школу. Маленький человек по недоразумению упирался обеими ногами в мостовую и выл так, что содрогались стекла в витринах ближайших лавок, но добиться мог только шлепков ниже спины или еще чего побольше – никаких возражений родители не допускали.

Школа выглядела приветливо. Старый, как сам Корабль, замок из белого камня обрамлен был пестрым цветником из искусственных цветов: красных лилейников, зеленых гортензий и голубых флоксов. Дорожки цветника сходились на белой площадке перед дверями, и там стояла великолепная группа белых статуй; одна из них наклонялась к своим ногам, другая держала у груди сдвинутые ладони, третья простирала руки к небу. Большие арочные окна блестели трехцветной мозаикой, и над ними выступали причудливые пояса, и солнце всегда

поднималось над чешуйчатой голубой крышей, над сказочной грядой шатровых скал, обливая их серебром; но застланные слезами глаза совершенно не могли всего этого видеть.

В дверях белого здания родителей и их заплаканных чад со всеми любезностями встречали просветители – служители Школы, молодые улыбчивые люди. Чтобы унять детей и расположить их к занятию, они использовали всяческие хитрости. Они надевали маски волшебных существ с картинок в книгах о таинственном и несравненном острове Амэриго, с которыми юные пассажиры проводили время едва не с рождения. Иногда они обходились ласковыми словами. Иногда предлагали разные сладости (что, впрочем, не одобрялось родителями, которые не желали вырастить из детей неблагоразумных бездельников, недостойных вести Корабль к Цели).

После того как маленького человека удавалось тем или иным способом успокоить, его провожали в аудиторию – светлое помещение с высоким сводом. Свод этот был расписан картинами, на которых резвились дивные создания: звери и птицы, каких нельзя было найти на палубах Корабля. Они грелись на груди у людей, очень похожих на пассажиров Корабля, но по-особенному сияющих, словно бы впитавших в себя солнечный свет. Они порхали над гладью воды и отдыхали на берегу, сложив усталые конечности кому как вздумается. Они карабкались по ветвям гигантских раскидистых деревьев и поедали необыкновенные ягоды... Вдоль стен аудитории стояли другие статуи, раскрашенные, из папье-маше, изображающие рослых и сильных мужчин в ярких голубых одеждах; каждый из них держал в вытянутых руках какой-либо предмет.

Эти живописные картины и яркие фигуры тут же привлекали внимание детей. Будущие ученики послушно опускались на длинные деревянные скамьи, расставленные в несколько рядов, и скоро переводили все внимание друг на друга; они ненадолго затихали и с опасением изучали соседей, как новые, движущиеся, иллюстрации.

Тех, кто по какой-то причине продолжал сопротивляться, просветители усаживали на скамью силком, обвязывали вокруг их рук и ног прочные ремни с мягкой подкладкой и оставляли в таком положении. Несогласный мог свободно вертеть головой, но самая незначительная перемена позы вынуждала его ерзать на месте в страхе свалиться со скамьи и набить шишку. Другие дети между тем забывали о собственных страхах и ехидно улыбались, глядя на эти забавные телодвижения; с дальних скамей доносился откровенный хохот, который вызывал свежую суматоху в аудитории.

Убедившись, что дети не пропустят свое первое занятие, родители мирно отправлялись трудиться на благо Корабля. В помещение заходил учитель – мужчина не старше тридцати шести лет в простой черной блузе и такого же цвета брюках – и поднимал руку, извещая о начале занятия. Кто-то из учеников глядел теперь на него – с ненавистью или с восхищением, а кто-то продолжал с интересом рассматривать величественный свод. Окинув взглядом аудиторию, учитель улыбался и несколько мгновений водил руками в воздухе, как будто собирая рассеянное внимание и притягивая ближе к себе. Затем он громко приветствовал учеников. Откашлявшись в сторонку, он вновь обращался к ним и с большим чувством говорил:

– Мы – пассажиры чудесного Корабля, и Создатели несут нас по небу к нашей Цели – земному острову Амэриго, где ждут нас и наших потомков высшие Блага и наслаждения, недоступные тем, кто живет в небесах! Каждый из нас сойдет на берег и познает вечную радость! Других островов нет в Океане, и мы должны помнить об этом, когда будут искушать нас ложными целями, обещать неисполнимое, сулить пустые утехи! Мы внемлем мудрости Господ наших на Корабле, устами Создателей говорят они с нами, как достойные их заместники! Мы трудимся и почитаем труд, ибо без плодов труда нашего нам не достигнуть Амэриго! Мы держимся нам подобных на Корабле, только сплоченными мы доберемся до Амэриго! Мы изучаем писания и творения рук Создателей, но не ублажаем праздное любопытство, сбивающее нас с пути к Цели! Избавимся от сомнения, и не придут к нам праздные мысли! Мы терпеливы,

благоразумны и усердны! Создатели не оставили нас на гибель в Океане, и мы благодарны им! Создатели дают нам пищу и воду! Создатели посылают светила и стихии, и разразится дождь, когда иссохнет плодородная почва острова, и выйдет солнце, чтобы тянулись к нему растущие стебли! Мы празднуем двенадцать дней каждого года, восхваляя Америго и его жителей, которые примут вскоре Корабль наш и всех нас!

Дети с недоверием смотрели на него, удивляясь его выразительной мимике и странным взмахам рук. Однако торжественный раскатистый голос подчинял их несколько не хуже ремней – так что многие замирали, ожидая новой пламенной тирады. И все же, пока учитель переводил дух, кое-откуда слышался неровный шепот, – но очередной его возглас безжалостно топил все перешептывания, заявляя исключительное право на присутствие под этим сводом.

– Я вижу на ваших юных лицах недоумение, и вам не нужно этого стыдиться! В первой главе Книги Заветов сказано: «Можно дать ребенку писания, как только он выучится ходить и связно говорить, но нельзя вселить в его сердце надуманный образ. Пассажир сам придет к осознанию, но его следует поддерживать, дабы он не низверг себя в синие пучины Океана». – Тут он вдруг хмурился, наклонялся к своим туфлям, сводя руки ладонями вверх, затем выпрямлялся, поднимая руки, точь-в-точь как скульптуры у входа; лицо его опять светлело, и он продолжал: – Посему, друзья мои, мы с вами отправляемся в Парк Америго, где вы сами, без моих наставлений увидите, какая чудесная жизнь ждет вас впереди!

Услышав непонятное, но грозно звучащее слово «низверг», ученики съеживались от страха, некоторые начинали кривить губы и тереть кулаками глаза. Но тревога сменялась воодушевлением, когда учитель заводил речь о Парке. Родители уже говорили им об этом месте – много и увлеченно рассказывали о лучшем, самом приятном и радостном времени жизни человека на Корабле.

Парк Америго находился в центре Корабля и не принадлежал ни одной из палуб; творцы не указали в своих писаниях, кто должен им распоряжаться. И все же это место было прекраснейшим на Корабле – Парк, как это ясно из его названия, был символом острова Америго. Он располагался ниже палуб; внизу его окружал широкий ров с водой, символизирующий прибрежные воды, а сверху, на всех четырех палубах – внушительная каменная ограда.

Учитель, нагруженный большим мешком с некими тяжестями, и его ученики подходили к укромной маленькой площади, отыскивая ее в путанице проходов и переулков. В старинной стене, отделяющей центр от этой площади, возвышались ворота в форме арки. С каждого боку на арку опиралась белая мраморная статуя творца. Один сжимал в свободной руке горсть гладких белых камней, другой держал на вытянутой ладони раскрытую книгу, похожую на птицу, готовую взмахнуть мраморными крыльями и оторваться от статуи.

Под аркой становилось слышно, как миролюбиво плещет вода во рву. Учитель отпирал ключом ворота; стоило теперь сделать два-три десятка шагов вперед – и мостовая обрывалась.

Дети боязливо спускались по ступенькам крутой деревянной лестницы, а учитель не переставая подбадривал их; когда же первые пары башмаков касались твердой земли, воздух сотрясали радостные вопли. В Парке не было ничего того, что они привыкли видеть на палубе – ни мощеных дорог, ни безмолвных зданий, ни занятых взрослых. Вместо этого чуть поодаль от берега, усыпанного камнями и песком, их встречало множество хвойных и лиственных деревьев, сквозь кроны которых проникали теплые солнечные лучи; буйно разросшиеся кустарники тут и там скрывали землю, и вся эта картина, хоть и чужая, но все равно манящая к себе, дополнялась неслаженным пением птиц, настоящих птиц!

Дети бросались кто куда, забыв о присутствии учителя. Кто изучал муравьиные поселения, кто пробовал поднять с песка массивные камни под одобрительный рев новых друзей, другие швыряли в воду мелкие камешки, безумно радуясь каждому всплеску... Парк бурлил незнакомыми и живыми запахами, звуками, цветами, но самое удивительное заключалось в том, что детям вскоре начинало казаться, будто никакого Корабля нет и никогда не было, будто

не существовало ни домов, ни улиц, ни переулков, не было фонарных столбов и стеклянных витрин, больших и маленьких окон, тесных комнат и огромных залов, потолков – высоких и низких. Каждый, кто сходил на землю в этой пространной впадине, видел свою наивную историю о том, кто здесь живет и как сюда попал, что еще плывет рядом с ним по небу и что делается далеко внизу, а главное – что там, за деревьями, за густой листвой и колючими ветками! Многие немедленно отправлялись выяснять настоящий ответ на этот вопрос. Большинство из них сразу же отступали с криками и смехом, но находились и те, кто, невзирая на ссадины, пробирался дальше. Если кому-то удавалось отыскать какую-нибудь неприметную лужайку, тот с еще большей уверенностью мчался назад, и когда достигал берега, то, отдуваясь, с раскрасневшимся лицом сообщал остальным потрясающие вести. Все они дружно сочиняли продолжения для своих историй, рисуя тонкими сухими палочками на песке, как на бумаге, все новых и новых обитателей таинственного леса.

Учитель, пользуясь тем, что его воспитанники очарованы Парком, без усталости сновал между группами и восклицал:

– Возрадуемся же тому, что уготовили нам творцы Корабля! Восхвалим же мудрость их и дадим жизнь их прекрасным образам в наших сердцах, возродим тысячелетнюю любовь к Америго!

Но его уже никто не слушал, и учитель смиренно улыбался, прощая детям свойственную их возрасту беспечность ума. Он брался за свой мешок, приваленный к стволу какого-нибудь прибрежного дерева, и постепенно опустошал его. Расстилал на берегу просторный квадрат холщовой ткани, потом вынимал из мешка свежие фрукты и овощи и раскладывал их на холсте. Завидев это, дети приходили в восторг. Всей гурьбой они нападали на яблоки, груши и сливы, томаты, свеклу и перец, а учитель, искренне восхищаясь этой картиной, начинал опять кружиться над едоками и рассказывать им о бесконечном обилии и разнообразии плодов острова Америго.

Вдоволь набегавшись, он сам садился куда-нибудь на мягкую траву и принимался вертеть в руках круглый камешек, время от времени подбрасывая его в воздух. Через несколько минут им овладевала дремота – и он поддавался ей, удобно расположившись на втором куске холста. Он мог не опасаться того, что его подопечные заблудятся в дебрях леса. Не так далеко от берега начинались непролазные заросли, сквозь которые никто не сумел бы пробраться; там пропадало солнце, там лес становился темным, холодным и как будто враждебным, и у детей не было особенного желания уходить еще дальше. Большую часть времени они оставались на берегу и чувствовали себя там превосходно.

Ближе к концу дня учитель просыпался и открывал ворота Парка; за воротами ждали родители, освободившиеся от службы. Утомленные, но чрезвычайно счастливые ученики возвращались домой, и на этот раз обходилось без всякого шума: дети были благодарны родителям.

Теперь они самостоятельно вскакивали на следующее утро, с необычайной быстротой уничтожали завтрак – и чуть не бегом бросались в Школу. Родители едва поспевали за семенящими башмачками, боясь, что их чада по ошибке завернут в какое-нибудь солидное собственническое заведение и снесут всю тамошнюю утварь.

Опасения эти были напрасны – дети легко вспоминали дорогу. Юноши и девушки на входе снова приглашали их в аудиторию, и на сей раз приветливые лица уже не казались обманом – как и сама Школа. Дети охотно следовали за ними, потом шумно, толпой захватывали скамьи, сражаясь за близкие к статуям Создателей места... Сегодня фигуры и картины интересовали их еще больше, чем на первом занятии. Это был благодарный интерес – и предвкусный.

Появление учителя встречалось уже возбужденными выкриками. Тогда он опять поднимал руку, устремляя свой непреклонный взгляд в глаза каждого ребенка, – и все до еди-

ного переставали кривляться и вопить. Убедившись в своем превосходстве, учитель как бы с неодобрением качал головой, делая вид, что его удивляет поведение учеников. Он поворачивался к ним спиной и начинал нагибаться к ступням и воздевать руки к своду.

Дети наблюдали, как опускается и поднимается его спина, и это пугало их, они думали, что рассердили его своими воплями и теперь никто не даст им порезвиться в желанном Парке. Повторив эти странные движения несколько раз, учитель, не оборачиваясь, поправлял свою длинную блузу. Смирившиеся ученики сидели в полной тишине, понурив головы; они с грустью вспоминали одинокие дни в родительском доме.

Учитель, однако, долго не сообщал о своем решении. Когда он показывал наконец лицо, оно светилось – прямо как у людей на живописном своде, – и он привычно начинал сгребать руками воздух. Ученики недоуменно следили за его жестами...

А учитель глубоко вдыхал и переходил к уже знакомой тираде.

– Мы – пассажиры чудесного Корабля, и Создатели несут нас по небу к нашей Цели – земному острову Америго!..

В его лице уже не было никакого упрека, – но все равно дети слушали его с беспокойством; к тому же из речи им было ясно не слишком много – не больше, чем в первый день. Но на этот раз самые сообразительные отчетливо замечали, что учитель то и дело указывает рукой на статуи из папье-маше, и невольно переводили взгляд с человека в темной блузе на занятные фигуры в ярких одеждах. Остальные дети, увидев, что друзья отвечают на непонятные слова учителя, спешили повторить все за ними – никто не хотел остаться в стороне и, чего доброго, разгневаться по-настоящему. И вот ученики как один смотрели на Создателей, – а учитель с улыбкой завершал выступление.

– Идемте же в Парк, юные пассажиры Корабля! – восклицал он, жестом призывая их встать со скамей и пройти к дверям.

Дети срывались с места, вмиг избавившись от всякой робости, и теперь усмирить их уже не мог никакой учитель – и это было бы совершенно ни к чему! Скоро Парк Америго опять принимал юных гостей, окутывая их мягким светом и запахом листвы, даруя новые и новые откровения! Опять они штурмовали лесные дебри, возвращались на берег и возились на песке, а учитель твердил им свои надоедливые заклинания, внушающие любовь к Кораблю, острову и Создателям, и потчевал их вкусными фруктами, на которые дети набрасывались все с той же непритворной жадностью.

Итак, в первые двенадцать дней обучения в Школе от детей требовалось только выслушать замысловатую, но краткую проповедь, – после чего они могли отправиться в Парк и найти там все то, что было недоступно на палубе. Позднее же другие учителя начинали пускать туда учеников постарше, и следующего приключения приходилось ждать больше двух месяцев. В эти дни, когда оканчивалась речь о Заветах, родители забирали детей обратно. Два месяца в домашних стенах – и немудрено, что дети невероятно изводились там, все меньше думая о книгах с игрушками, все больше – о друзьях и Парке. Они не могли понять, зачем умный и справедливый учитель позволяет кому-то другому так надолго занимать их любимое место. Но когда наконец подходила очередь и новые двенадцать дней, радости их не было предела.

Благодарность к учителю росла с каждым занятием; многие ученики теперь слушали его даже в разгар веселья в Парке. Некоторые продолжали перечить ему только из здорового интереса, – но скоро они тоже переставали упрямиться, увидев, что друзья уже не одобряют их праздное упрямство.

Конечно, Уильям был среди этих детей. Он рос тихим и послушным ребенком; он быстро съедал любой завтрак, вполне довольствовался своими книгами, не противился поступлению в Школу и вообще не доставлял приемным родителям лишних огорчений. В Школе он не смеялся над несчастными, которым связали ноги и руки, не обсуждал мимику учителя, не прояв-

лял нетерпения и молча слушал громогласные наставления. Другие дети тут же сообразили, что в Парке с ним много тайн не отыщешь, и не брали его ни в одну команду по исследованию.

Мальчик не умел всерьез обижаться и принимал такое отношение как должное. Он сажился под одним из прибрежных деревьев и колупал пальцами его кору, пугая муравьев, потом подходил ближе к воде и раскапывал в песке разноцветные гладкие камни. Лезть в чашу в одиночку он сперва побаивался, но со временем осмелел и мало-помалу начал прорываться вглубь. Это было непросто, больно – ужасно больно! Но он понимал, что более интересного занятия ему здесь уже не найти, и не оставлял своих незадачливых попыток.

И вот спустя несколько месяцев незаживающих царапин, ссадин и синяков – в конце апреля следующего года, на пятый день четвертого выхода в Парк – Уильям сумел кое-чего добиться: он сам обнаружил небольшую полянку, уйдя далеко от берега – так далеко, что глухие заросли расступились, как если бы угрюмый лес наконец признал все его старания.

Там слышно было бойкое чириканье птиц и стрекот невидимых насекомых. Там высилась густая трава в половину его роста – никто еще не успел вытоптать ее вдоль и поперек, – и прошло какое-то время, прежде чем он заметил маленький пригорок. На его склонах росли милостивые синие цветы, источающие необыкновенный, ни на что не похожий аромат, и когда Уильям не без труда взобрался к ним, то захотел сорвать один цветок, чтобы отнести домой на палубу. Подумав немного, он нарвал целый букетик и, неловко сжимая стебли, побежал назад. Обратная дорога показалась совсем не такой тяжелой и изнуряющей – даже приятной. Он был так горд и возбужден, что не пытался запомнить все ее хитросплетения; все мысли были только о том, как будет счастлива вдохнуть этот запах его мама.

Но когда он, растрепанный и запыхавшийся, выскочил на берег Парка, ему на макушку неожиданно опустилась сильная, властная рука, заставив его превратиться в крошечного, вкопанного в песок истукана. На его беду, учитель именно в тот день бодрствовал после полудня и зорко следил за озоровавшими детьми. Уильям не боялся его, как большинство учеников и учениц, но тут в первый раз ощутил запоздалый страх перед грядущим наказанием.

– «Мы изучаем писания и творения рук Создателей, но не ублажаем праздное любопытство», – с унижительной ласковостью произнес тот, кому принадлежала рука. – Наступил важный день, мальчик, ибо эти слова перестанут быть для тебя пустым звуком. Друзья мои! Ученики! Наше занятие будет продолжено! – громко обратился он к суетящимся неподалеку детям, не выпуская темноволосой головы мальчишки.

Едва ли кто-то откликнулся бы на этот призыв так скоро, если бы задержан был не Уильям. Один из детей мельком увидел его длинные прядки и немедленно оповестил остальных. В мгновение ока они сплотились толпой перед учителем – всем не терпелось узнать, что же он будет делать с этим странным одиночкой. Уильям почувствовал на себе столько злорадных взглядов, что по его пухловатым, измазанным землей щекам впервые покатались слезы бессильной обиды.

Учитель, польщенный таким вниманием к своей персоне, несколько раз встряхнул свободную руку, готовясь к выступлению. Уильям дрожал и шмыгал носом, то и дело пытаясь вырваться; он так жаждал убежать обратно в лес и исчезнуть там – укрыться где-нибудь в тени, чтобы его никто никогда не нашел, – что не видел уже для себя никакой другой Цели! Но учитель держал его крепко.

– Известно ли вам, что в руках у вашего друга? – При слове «друг» в толпе пронесся ехидный смешок. – Эти Блага – творение Создателей нашего чудесного Корабля! – Учитель сделал паузу и с недовольством оглядел учеников. – Но это не высшие Блага, не Блага Америго! Разве мы можем принять их здесь? Разве мы заслуживаем их теперь, когда мы не доказали еще благость намерений наших, верность нашей Цели? Америго есть та Цель, и терпение, благоразумие и усердие приведут нас к высшим Благам! Что такое Цель, когда ее вытесняют

праздные желания? Что такое Благо истинное, когда мы выбираем ложные блага? Что такое вечные утехы, когда предаемся мы утехам преходящим?

Лица детей все больше и больше вытягивались в разочаровании: они никак не ждали того, что столь заманчивое начало превратится опять в заузное нравоучение. Учитель, решив, что его никто не понял, расплылся в улыбке.

– Не стыдитесь, друзья мои, – снова заговорил он, прижимая к себе Уильяма; тот все извивался и морщил губы и нос, стараясь не плакать. – Не стыдитесь, что вам не ясны слова! Стыдитесь праздных мыслей! Я мог бы отпустить вашего друга к отцу и матери, я мог бы позволить ему сохранить цветы у себя. Но задумайтесь! Что будет, если человек захочет пользоваться Благом, не заслужив его? Оно станет собственностью пассажира, рассеивающей его мысли, порождающей в нем праздные сомнения, сбивающей его с верного пути! Каждый, кто проявит такое праздномыслие, вскоре скажет: «К чему мне трудиться? К чему мне служить на благо общества? К чему мне Америго?»

Тут и глаза расчувствовавшегося учителя наполнились слезами; он звучно сглотнул и, словно сжалившись над Уильямом, ослабил хватку, и даже погладил его по волосам... другой рукой стиснул его плечо, чтобы тот не подумал, что настало время удрать.

– «К чему мне Америго, если Блага и без того принадлежат мне в изобилии? Зачем мне труд, если мне можно спуститься в чудесный Парк и разграбить его?» – с горечью в голосе продолжал он. – Несчастен тот, кем овладевают такие мысли! Ужасные воды Океана поглотят его навеки!

До детей дошло наконец, что Уильяму удалось найти что-то особенное, совершенно необыкновенное, недоступное им, и теперь – наравне с презрением – их охватила жуткая зависть.

– Вы не ослышались, друзья! – неистовствовал учитель. – Корабль однажды видел его кошмарные пучины, и горе тому заложнику праздности, кому доведется узреть их своими глазами! Не примет его остров Америго! Не найдут его высшие Блага и наслаждения! Не познать ему вечную радость!

Дети перестали шушукаться, почуяв угрозу; их зависть тотчас угасла. На берегу Парка стало очень тихо. Только певчие птицы в лесу, прежде заглушенные толпой, не могли умолкнуть, – но людям не было до них никакого дела. И меньше всех это пение заботило учителя, который выдвинул пленника вперед, налегши на его плечи, – словно для похвалы за какой-нибудь образцовый поступок, – и вновь начал говорить, сдержанно и ясно:

– Слушай меня внимательно, маленький пассажир, ибо сегодня я – твой Господин, моими устами тебя наставляют Создатели. Верни цветы на место, где украл их! Верни сейчас же, и не вздумай ослушаться своего учителя, иначе не сойдешь на этот берег завтра!

И он резко выпустил Уильяма. Тот от неожиданности зашатался и, чтобы не очутиться на четвереньках, поспешил сделать несколько неуклюжих шагов по направлению к толпе. Ученики захихикали и опять зашептались; они остались довольны тем, что учительский гнев в конце концов настиг не их стриженные головы, а зарвавшегося лохмача. Уильям отвел глаза, чтобы не видеть восторженных лиц, и немного потыкал носком башмака песок, и оценил размер и глубину появившихся ямок: он ждал мгновения, когда все – и учитель тоже – отвернутся и можно будет спокойно, без слез, нырнуть в заросли. Увы, дети не торопились расходиться по своим делам – как же, тут еще было на что посмотреть! Тогда мальчик решил проверить цветы; удивительно, но их ломкие стебли не пострадали, только малость наклонились вбок. Вспухшие глаза продолжали избегать кого бы то ни было – чего бы это ни стоило.

Учитель глядел на него в упор, недоумевая, откуда взялось такое возмутительное пренебрежение к его призывам, а когда тот повернулся уже с послушным намерением двинуться назад к стене деревьев, вскинул правую руку.

– Спасайся, мальчик, спасайся! Отвергни зов праздного искушения!

Тут Уильям поднял глаза – и встретил суровый, не знающий пощады взгляд, осуждающий его, подавляющий его; он не успел включиться в игру, но уже проигрывал! И снова навернулись слезы, а взгляд еще привязывал его к себе, хотя застывшая в воздухе рука приказывала бежать опрометью в лес!

Взгляд велел ему обернуться к толпе.

И Уильям так и поступил.

Множество смеющихся, торжествующих глаз, устремленное на его всклокоченные волосы, на грязные и мокрые щеки, на потрепанный белый пиджачок и испещренные обрывками листвы чулки, смяло его окончательно. Он пискнул раз-другой, потом часто засопел и захлюпал носом, и скоро это уже напоминало настоящий рев. Учитель, хотя и не смеялся, не выражал ни тени сочувствия, а лишь вытягивал руку – словно высокая статуя у школьных дверей.

Уильям, конечно, мог бы и улизнуть сейчас домой, чтобы им больше не было так весело, но ворота Парка были закрыты. И дома его никто не ждал; мама, даже если бы возвратилась раньше, немедленно заставила бы объясняться, – а ведь она так рада тому, что он здесь, в Парке! И герр Левский, отвечавший уже на робкие возражения мальчика назидательными оплеухами, вдруг издал у него в голове такой оглушительный рык, что Уильям перестал слышать собственные всхлипывания. Пропал и хохот детей, и он бросился бежать изо всей мочи в лесную гушу.

Остановился он только тогда, когда сердце готово было выпрыгнуть из груди. Отдышавшись, он осторожно положил цветы на пенек и потер онемевшую ладонь. Огляделся: его окружали молодые лиственницы, вовсе не похожие на раскидистые пожилые дубы, через корни которых он переступал с опаской, пробираясь сегодня к полянке. Ну конечно! Он так спешил, что пропустил нужную тропинку, которая должна была оборваться совсем по-другому...

Где-то в отдалении громынуло: надвигалась апрельская гроза.

Книжный Америго повидал немало стихийных испытаний: случались на нем и дожди, и грозы, и ураганы, и наводнения, и даже землетрясения. Но жители острова умели с ними справляться. Люди прятались от дождя, града и бури в уютных и прочных домах. Дома строили там, куда не могла добраться река, вышедшая из берегов, и защищались от молний хитрыми изобретениями. Другие бедствия приходили редко и по большей части в далекие, пустынные, никем не обжитые места. Волшебные существа, в особенности те, кто умел летать, быстро бегать и высоко прыгать, зарываться в землю или превращаться во что-нибудь этакое, непогоды не боялись. Им любой дождь был нипочем: они не знали болезней, а некоторые вовсе даже не ощущали холода или не могли промокнуть.

Уильям поначалу тоже чувствовал себя в лесу довольно храбро. Но теперь, когда четыре крупные капли одна за другой ударили его в лоб и мгновение спустя смешались в одном потоке с еще не высохшими слезами, мальчик по-настоящему испугался.

– Дождь, уходи, во имя земли и неба! – пролепетал он, надеясь воспроизвести какое-то заклинание из сказки. Взамен он получил еще несколько холодных капель и едва не взвыл от раздражения. На берегу Парка дождя не бывало, но в неведомой глубине леса остановить его было нельзя!

Он весь остаток дня скитался по лесу, разыскивая полянку – но тщетно. «Какой же большой этот Парк! – со страхом думал он. – Как будто больше, чем целый Корабль!» Он несколько раз наткнулся на тропинки, протоптанные чьими-то башмаками, и это означало только, что он идет не в ту сторону – скорее всего, назад. Чтобы совсем не расстроиться, он время от времени вдыхал запах синих цветов – понемногу, лишь бы не истратить его зря.

Кроны деревьев худо-бедно укрывали его от дождя, но от холода спасения не предвиделось, и бедняга Уильям совершенно продрог. Он с трудом ковылял по размокшей траве, сам не зная куда, окончательно сбившись с дороги.

Набредя на редкий просвет, он уже хотел упасть наземь и заснуть навсегда среди черных коряг и гнилых пней, лощенных водой, – когда ему вдруг показалось, что сквозь злобный шелест кустов и завывания ветра в вышине упрямо пробивается еще один странный, неотчетливый звук.

– И-и-и... а-а-а... И-и-и-и-и-и... а...

Он сперва подумал, что это кричит какая-нибудь птица или древесный житель, и задрал голову. Тут же на его гримасу обрушился град ледяных капель, и он пожалел, что проявил праздное любопытство. Крик между тем продолжал буравить чащу с завидным упорством.

– И-и-и-и-и а-а-а-а-а...

Уильям потер глаза кулачком, подобрался к ближайшему кустарнику и повернулся вокруг своей оси, пытаясь уловить, откуда исходит звук. Но у него это не вышло, и тогда он, удрученный, все равно опустился на мерзлую землю и, лежа на боку, не выпуская из рук стеблей, начал забываться; даже крик поутих, против воли готовый сдаться вместе с ним.

Много ли нужно, чтобы пересилить человека? Всегда ли ничтожность и глупость значат неминуемый конец?

«Нет никакого Корабля, – сказал себе мальчик в последнюю минуту. – И мамы – нет! И меня, – он всхлипнул, – нет... Нет меня».

Эта мысль должна была убить его, но здесь, в Парке Америго, благодаря ей произошло нечто совсем противоположное.

Дождь заглушил таинственные звуки, но Уильям вдруг понял, что на самом деле знает, куда идти. И как это он не мог сообразить? Живо вскочил на ноги, едва не уколотивши глаз острой веткой терновника. Провел ладонью по лбу и щекам, затем кинулся бежать. Он мчался и мчался вперед, пока опять не донесся из-за деревьев крик – куда более явственный, чем прежде.

– Уи-и-и я-я-я-я-я...

Что-то знакомое почудилось Уильяму в крике, и это подтолкнуло его. Он теперь без труда разбирал дорогу: крик звал его к себе, вел его по непроходимым зарослям, словно по обыкновенной тропинке вблизи берега. Он не задерживался ни на миг – и скоро уже ясно слышал человеческие вопли, вопли ребенка! Тонкий, чистый, как воздух после грозы, голосок из всех сил стремился к нему!

– Уи-и-и-и-и лья-я-я-я-я-я-я-ям!

Да, это было его имя! И ничье другое! И потом, кто бы еще посмел забраться в такие дебри?! Никто другой! Никто!

Но разве этот крикун не опередил его?

– Уи-и-илья-я-ям!

– Я зде-есь! – завизжал мальчишка. – Кто ты? Я не вижу тебя!

Дождь в конце концов прекратил наступление, и немного прояснилось; лес стал гораздо реже и теплее, и Уильям почувствовал, что бывал в этом месте – вот чудной куст, похожий на карамельную шишку (мама иногда украшала ими пироги), а вот ямка с листьями, которые теперь плавали на поверхности воды. Он узнал ее – сегодня он уже угодил туда и едва не вывихнул при этом ногу, давно, когда только возвращался на берег!

И тогда он выскочил на – ту самую! – поляну.

На пригорке, том самом, где росли злополучные синие цветы, сидела девочка в светло-синем платье, мокрая от макушки до пят. Глядя на нее, Уильям замер. Она была очень милая – такая милая, насколько он мог себе представить. Ее влажные каштановые волосы спускались до середины шеи, хорошенькое, округлое, чуть курносое личико сияло – в откуда ни возьмись

выплывших запоздалых солнечных лучах. Забытая всеми, нищая, невоспитанная, но живая принцесса! Она смотрела на него глазами непонятого цвета – и он сам тарачился на нее во все глаза.

– Уильям! – лукаво повторила она, уже совсем негромко. – Уильям!

– Я не... я не знаю тебя, – запинаясь, произнес мальчик, который не смог придумать ничего поумней.

– Врун! – с явной обидой в голосе бросила девочка; поднялась с пригорка и трусцой побежала в чащу, сверкая босыми пятками. Изодранное, запачканное синее платье с короткими рукавами трепетало и брызгало на ее худеньком теле, словно волнующийся Океан.

Уильям вышел из оцепенения, но еще немного поколебался.

– Э... но... я... Куда же ты? – нерешительно позвал он ее; потом все-таки сорвался и побежал вслед. Но, как он ни старался, не мог отыскать беглянку ни за деревьями, ни на деревьях, ни в громадных папоротниках, ни в пушистом можжевельнике. В спрятанном за опрокинутыми стволами овраге, куда он едва не полетел кубарем, ее тоже не было. И Уильям, конечно, начал думать, что она ему примерещилась.

«Размечтался, – обругал он себя. – Хорошо только то, что теперь можно вернуть цветы на место».

И когда он обернулся с надеждой, что не забрел со своими бесплодными поисками чересчур далеко, голос запальчиво крикнул ему прямо в ухо:

– Это я – здесь! А ты?

Уильям перепугался не на шутку – еще бы, ведь он уже смирился с мыслью, что тут никого на самом деле нет! Он снова начал вертеть головой во все стороны – и снова никого не разглядел среди теней.

– Ты правда думаешь, что меня здесь нет? – спросил голос.

Уильям зажмурился; в тот же миг кто-то тронул его за плечо.

Открыл глаза – и вот она, кажется, прямо перед ним!

Ничего не сказав, она схватила его за руку и увлекла за собой. Уильям не поспевал за ней, все время заплетая ногами, и пытался при этом как следует ее рассмотреть; он подумал, что в ее облике что-то переменялось. Когда оба выбежали на поляну, которая еще кое-как освещалась вечерним заревом, он понял: платьице осталось таким же мокрым, хоть выжми, и грязным, но на нем теперь не было ни единой прорехи! Он разинул рот и издал какой-то замысловатый звук – то ли «а», то ли «о».

– Ну и чего тебе опять не так? – возмутилась она и отпустила его. – Хочешь, чтобы я ушла?

Уильям уставился на ее сморщенный курносый носик.

– Нет, – наконец вымолвил он. – Не хочу.

– Вот то-то же, – с победным видом сказала девочка и протянула свою маленькую бледную руку. – Я – Элли. Нет, ты и так знаешь мое имя, – спохватилась она и отдернула руку, обдав его теплыми брызгами.

Уильяма это отчего-то начинало забавлять, и он не стал возражать ей.

– Я вижу, ты мало бывал в Лесу, – продолжала Элли деловито.

– Он называется Парк Америго.

– Мне все равно, как они его называют, – отмахнулась она.

– Они? – изумился мальчик. – Но разве ты не...

– Не волнуйся, – успокоила его Элли. – Они обо мне и не слыхивали. В отличие от тебя. Ты-то знаешь. Уже знаешь.

Уильям принялся перебирать в уме всех увиденных им за восемь месяцев девчонок, но так и не припомнил ни одной, которая хотя бы отдаленно походила на Элли. Может, она все же была в толпе учеников, увязалась за ним, следила откуда-нибудь из зарослей, а когда он ушел с

цветами, осталась ждать? Но зачем? И почему она так странно одета – ни чулок, ни жакета, ни школьной юбки, ни даже длинных рукавов? Почему ее единственная одежда не белого цвета? Почему так празднично распущены ее волосы? Точно сказать он не мог. Погруженный в раздумье, он опять обмяк и разинул рот, и это порядком рассердило Элли.

– Чего мы ждем? – взвизгнула она, вцепилась в его плечи и затрясла его что есть силы. – Вперед!

И они вновь отправились в глубины Леса. Теперь она не тащила его за собой, он сам плелся за ней, задевая башмаками торчащие из земли деревянистые побеги, уклоняясь от паутины и реющих перед лицом насекомых. Она то и дело оборачивалась узнать, не пропал ли он из виду, – будто это ей страшно было, что он ненастоящий и вот-вот испарится. Она ловко пролезала в тесные щели меж стволов и легко перемахивала через большие камни, а мальчик обходил их по кругу и часто останавливался, чтобы отряхнуться. Она бросала на него возмущенные взгляды, но сама не задерживалась, чтобы он совсем не раскис.

– А куда мы идем? – спросил Уильям и распластался на траве, потому что смотрел не себе под ноги, а на удаляющийся синий силуэт.

– А куда ты хочешь пойти? – откликнулась она.

– Я бы... – пробормотал Уильям и глянул на стебли цветов, которые все еще сжимал в правой руке. – Мне... Цветы! Надо...

– Хочешь про цветы? – Силуэт перестал скрываться и скоро превратился в обрадованное личико Элли. – Пойдем же!

Она даже помогла ему подняться и – опять забавно! – сама шустро отряхнула крупички земли с его пиджака, лишь бы он не возился в одном месте понапрасну. Она живо обратила внимание на краденые Блага (мальчик их выронил от неожиданности).

– А где ты их взял? – спросила она как будто с небрежностью.

– М-м... – Уильям растерялся. – На нашей... на твоей, то есть я хочу сказать – на полянке.

Он поднял цветы и бесцеремонно сунул их ей под нос. Элли отпрянула бы в сторону, но ей тоже нравился этот запах.

– Эти цветы называются ирисы, – объяснила девочка. – Они совсем не обязательно синие – бывают еще и желтые, и белые, и фиолетовые...

Уильям наострил уши.

– Вообще-то на полянах растут не только ирисы, – продолжала она. – Сейчас покажу!

И снова пустилась в бег с бесконечными прыжками через лесные препятствия; Уильям задыхался, пытаясь не отстать.

Вначале она приводила его к местам поближе к берегу, которые были уже открыты менее упорными исследователями, и там они вдвоем утаптывали всю траву по новой. При этом Элли заботливо ограждала от его неопытного шага островки с разными цветами; он склонялся к ней, а она рассказывала всякие занятные вещи – что такое прицветники, и как путешествуют по воздуху семена, и какие листья, травы и корни едят здешние звери.

– Вот Лунный Цвет, – говорила она перед лиановым ковром, затянувшим одну сторону лужайки. – По ночам он не спит, потому что любит смотреть на луну. Сегодня луны не видно, но он ждет ее – что бы ни случилось! Утром он заснет, и в другом краю, далеко-далеко отсюда, очнется его сестра – Утренний Блеск, небесный цветок. Если осенью собрать ее семя... Как-нибудь мы с ней здорово позабудемся! А еще дальше, должно быть, живет другая полуночица, по имени – Лунная Слеза...

– Та, что может исполнить любое желание? – перебил ее начитанный Уильям.

– А чего тебе еще хочется?

Этот вопрос застал его врасплох.

– Все равно не выйдет, – подбодрила его Элли. – Этот цветок так умеет прятаться, что мне кажется, он просто выдумка. А тут – колокольчики и гвоздики, их, наоборот, так много, что даже искать не приходится. Колокольчики любят поспать, поэтому живут долго-долго!

– Что значит – колокольчики? – спросил мальчик. – И гвоздики? У моего отца в портфеле живут гвозди.

Услыхав его, Элли сделала кислое лицо.

– Не помню, откуда это взялось, – нетерпеливо проговорила она. – Колокольчики – это колокольчики, и все тут. А что это за гвозди? Они живые? Почему их так зовут? Они похожи на цветы?

– Не знаешь, – покачал головой Уильям. – А гвозди ведь важные штуки. На них держится моя полка с книгами...

Пришла очередь Элли раскрыть рот – и вскинуть тонкие брови, отчего ее непонятные глаза сделались будто напуганные. Но она не имела привычки замирать и заикаться от изумления и быстро опомнилась.

– Полка... – уязвленно проворчала она. – Кни-гами, пор-фе-ле... Что это за ненужная чепуха? Зануда!

Другую освоенную лужайку Уильям узнал – он набредал на нее в минувшем году. Кое-что там изменилось: какой-то озорник оставил на ветках куста клочок своей рубахи. Элли рассерженно скомкала лоскут белой ткани, размахнулась и запустила его прочь. В воздухе непослушный клочок распрямился и начал парить перед их глазами, раскачиваясь, словно подтрунивая. Уильям, замороженный, наблюдал за его полетом; Элли же явно не считала его таким прекрасным. Она подскочила к лоскутку, ловко ухватила его и отнесла куда-то в листву. Когда она вернулась, соскабливая ногтями землю с ладони, Уильям спросил:

– За что ты с ним так?

– Это принадлежало им, – гневно откликнулась девочка. – Я не хочу видеть их следы в Лесу. Они ужасные трусы и задаваки. Я ничего не могу поделать с тем, что они приходят сюда, но когда их тут нет, я не хочу о них вспоминать. Вот.

– Но ведь я – один из них, – поразился Уильям. – А меня ты позвала сама...

– Ты – вовсе не из них! Что ты говоришь такое, врун! – вскричала девочка и замотала головой. Ее волосы задорно трепыхнулись.

– А ты знаешь, кто я? – робко спросил Уильям, уже несколько сбитый с толку.

– Ты – хозяин этого Леса, – гордо ответила девочка.

– А ты тогда кто?

– Я – Элли!

Небо над Парком было в ту ночь грязноватым, но необычайно светлым из-за облаков – и ему почти не хотелось спать, да и Элли не давала ему задуматься о времени всерьез. Дома его отправляла в постель своим словом мама (а порой и отец был вынужден прикрикнуть и поработать загрубелой рукой, чтобы мальчик на опыте собственных ушей убедился в том, что книга или рисование может подождать до завтрашнего дня). Но в Лесу родителей не было, а Элли так удивительно от них отличалась, что Уильям подумал – может быть, она и вовсе не спит?

Девочка остановилась.

– Лиственницы, – коротко, но с обожанием сказала она.

Уильям слышал это впервые, но деревья были ему, конечно, знакомы. Здесь, правда, стояли уже пожилые лиственницы – внушительно высокие и неохватные, но по виду славные, и пахли они какими-то добрыми обещаниями. Мальчик и девочка приблизились к одной из них, одновременно запрокинув головы, а потом Элли, не говоря ни слова, поклонилась ей.

Уильям щурил глаза, разглядывая среди перепутанных зеленых лап игрушечные темно-красные шишки.

– Я у них ночевала, – заметила Элли. – В День Самой Маленькой Совы с Оранжевыми Глазами и в День Белого Кролика. А теперь тут так сыро... Сегодня День и Ночь Воды. Мы еще вернемся! – громко добавила она.

«Все-таки спит», – сказал он про себя. А девочка побежала дальше, не оглядываясь, как будто забыв о своем спутнике. Уильям несколько отступил в другую сторону и задержался у того дерева, что спускало свой хвойный подол почти до земли. Но стоило ему дотянуться до крохотной шишки, и Элли тотчас ринулась назад.

– Вот еще! – строго сказала она за его спиной. – Она сама знает, когда их сбросить! Не обижай хорошее дерево!

«Какой же из меня обидчик?» – сконфуженно подумал Уильям и отвел руку.

– Тебе не больно ходить по Лесу вот так, босиком? – чуть погодя полюбопытствовал он. – Тут ведь кругом всякие колючки и камни. И вообще – меня бы, наверно, здорово отругали за грязные ноги.

– А мне это все нипочем, – пожала плечами девочка.

– Ты хочешь сказать, что тебе совсем не больно? – озадаченно спросил Уильям. – Даже если я тебя, скажем, ущипну? Вот так!

И он протянул руку к ее локтю, над которым развеялся волнистый рукавчик синего платья, чтобы исполнить задуманное. Но Элли тут же его отпихнула.

– Глупый, – сказала она. – Если ты хочешь, чтоб мне было больно, так и будет. – И помогла встать рассевавшемуся на лиственной подстилке Уильяму.

– Но почему я? Если я? – снова удивленно проговорил он, ища ее глаза в полумраке.

– Но это ведь – твой Лес!

– Мой? Я думал, это понарошку...

– Конечно, твой! – Она засмеялась и с вызовом тряхнула головой. – Пойдем дальше!

Она болтала и болтала о лесных обитателях, опять беспечная, а Уильям думал о том, куда же все-таки запропастились ее отец и мать и отчего они так себя повели. Он очень хотел это выяснить, но долго не удавалось; она не умолкала ни на минутку, словно только что выучилась говорить, но вот наконец решила передохнуть, и мальчик подал голос:

– А твои родители живут в Лесу, как и ты?

– Родители? Что за вздор? – с некоторой дерзостью отозвалась Элли. – Никогда не слышала такого. А кто это?

Пренебрежение и интерес сменялись в ней на удивление легко.

– Отец и... мама, – пожимая плечами, ответил Уильям.

Элли хмыкнула.

– Я ничего не поняла!

– Это люди, которые меня создали, как Корабль, – принялся объяснять Уильям. – Шесть лет назад... Скоро семь.

– Шесть лет? Что значит – шесть лет? Семь? – спросила девочка, почесав нос. – Я знаю лето. В этот край оно придет, как зацветет шиповник...

– Тебя не научили считать? – вытаращился на нее Уильям. – Много лет – это значит годы, а не лето. Год – это... Ты совсем не умеешь считать? Один, два...

– Для чего это? – опять простодушно спросила Элли.

– Ну, все сразу не вспомню, – признался Уильям. – Но это полезно. Можно считать время, можно сказать, чего больше, а чего меньше. Мне говорили, – замялся он, – потом надо будет считать и в Школе...

– В чем, в чем? А мне зачем?

На это у Уильяма ответа не нашлось.

– Скажи мне, когда вспомнишь, ладно? – миролюбиво попросила Элли и внезапно насто-
рожилась. – Ой! Тс-с-с...

Невдалеке кто-то громко и злобно рыкнул. Из-за тесного скопления буков начал выпол-
зать странный запах.

– Кто это? Зверь? – отважно спросил Уильям. – Я такого видел в книге, его можно побе-
дить, если знаешь заклинания... Ай!

Он больно получил по шее беззвучным взмахом худенькой руки.

– Молчи! – прошептала Элли. – Сюда, скорее! Не то станем добычей!

Они перебрались в небольшую яму в нескольких десятках шагов и притаились там. Кис-
ловато-горячий запах терзал ноздри мальчика, и ему страшно захотелось чихнуть. Элли это
вовремя заметила и прикрыла ему рот ладонью. Он охотно потянул носом – девочка пахла куда
приятней – и передумал.

Кто-то глухо и раздосадованно урчал; вместе с этим трещали старые опавшие ветки, все
ближе и ближе... Девочка зажмурилась и с отвращением закусил губу. Она боялась засло-
нить собственное лицо – ерзать на сухой листе, устлавшей дно ямы, уже было крайне опасно.
Уильям просто дышал безо всякого движения, но отчего-то думал при этом о самых несносных
вещах – о странных улыбках матери по утрам и о жадных гостях, о вечно хмуром взгляде отца,
о голоде и боли в животе, о жгучих потоках воды из облаков. И об учителе тоже! Маленькая и
теплая ладонь Элли разом увеличилась, похолодела, охватила его голову, сдавила щеки, начала
скользить по волосам твердыми пальцами, неубедительно пряча свои замыслы...

Он едва не завопил от огорчения, но сопротивляться, к счастью для них обоих, все же не
стал. Бестия напоследок выругалась на своем наречии, а затем чрезвычайно быстро удалилась –
и в этот раз даже не хрустнула ветка. Элли еще переждала минуту и выглянула.

– Мы свободны, – сказала она и отняла руку. Мальчик, однако, не шевелился. – Ну что
ты?

«Мама... Что, если бы победили меня? А если меня можно победить, значит, я ничем
не лучше злодея?» – подумал Уильям.

За это его крепко щелкнули по носу.

– Он ушел! А ты вовсе не такой трус, ясно?

Уильям нехотя вылез из ямы, стараясь не смотреть на свои чулки.

– Кто это был? – спросил он у Элли.

– Не знаю! Я его еще не видела. Я от него всегда бегаю. Но он приходит только ночью.
Больше не придет. Наверно... Ты не думай о нем, ладно?

Она тихо защелкала языком и запыхтела, как горячий чайник. Это звучало так странно
и непривычно для человека, что Уильям даже стал испуганно озираться – не подкрался ли к
ним какой-нибудь другой злощастный зверь? Глядя на него, Элли прикрыла рукой рот, стараясь
не хихикать, но не выдержала и фыркнула себе в ладошку. На все эти звуки низенький куст
отозвался беспокойным ропотом, и немного спустя перед ними появилась метла... то есть это
было что-то похожее на косматую метлу, которую Уильям видел у парикмахерши фрау Бар-
бойц, только без длинного деревянного черенка. Метла повертела какой-то неровной выпук-
лой пуговицей (это был нос), фыркнула почти как Элли, но не от смеха, а, по-видимому, от
негодования, и засемила в сторону поросшего высокой травой оврага, по пути тараторя что-
то почти человеческим голосом.

– Кто это... что это? – округлив глаза, спросил Уильям.

– Дикобраз. Я сказала ему, что он вредный, – гордо объяснила девочка. – Потому что так
и есть. Я не вру. Он только фырчит и жалуется!

Но Уильям пропустил все это мимо ушей.

– Пушистое, – сказал он и кинулся вслед за зверьком. Не успел он догнать его, как метла внезапно раскрылась и стала веером; безобидное на вид существо в один миг сделалось большущей колючкой, замерло и как-то напружинилось всеми иглами. Уильям норовил уж схватить его, но лесная девочка взбежала на покатуую каменную глыбу и прыгнула сверху прямо ему на спину с такой силой, что он перевернулся вверх тормашками, и дикобраз махнул мимо них.

– Что ты все дерешься! – проворчал он, подбирая цветы, уцелевшие чудом.

– Глупый! Иголки!

– Он колется? Я подержать только. Что такого?

– Этого так не поймашь, – уверенно заявила Элли. – Его надо выследить... а я умею выслеживать. Хотя он все равно не дается. Он просто бояка. Меня он вот тут проткнул, гляди, – показала она на свою ладонь.

Уж этого Уильям никак не ожидал услышать.

– Прямо насквозь? – спросил он и даже стиснул кулаки на всякий случай. Одно дело ободрать локоть или разбить колено, но ведь насквозь – это самая настоящая рана! Сколько должно быть крови! На память пришел Крюк – чудовищная Тень, колоссальный ящер, который нашел свою смерть меж отвесных стен ущелья, висячей деревне, упав грудью на опорный столб разрушенной платформы. (И это, кстати говоря, – часть одной из самых интересных историй, подаренных человеку Создателями!)

– Не вытащишь потом! – сказала Элли, изображая это как-то нелепо, отчаянно дергая рукой. – Уж лучше его не цапать.

И этот новый опасный зверь, уже юркнувший куда-то на дно овражка, без конца поддакивал ей из своего укрытия смешным голосом, словно мамина подружка – маме.

К тому времени, как небо над деревьями похорошело и залилось первой предрассветной краской, дурные предчувствия успели изрядно сотрясти Уильяма. Они с Элли как раз присели отдохнуть на ствол поваленной пихты; девочка начинала клевать носом, но все еще стойко продолжала рассказ о том, как однажды видела в этой части Леса редкого барсука с черной полоской посередине лба.

– Мне надо возвращаться, – неуверенно сказал Уильям.

– Ты меня совсем не слушаешь, – обиженно протянула девочка, но потом, зевнув, сказала: – Хотя это правда, я с тобой уже заболталась.

– Если я не вернусь до того, как они придут сюда... – добавил Уильям и задумался. – Будет плохо. Я и так рассердил учителя. И мама! Что теперь скажет мама! И цветы...

На него разом налетело столько тревог, что он не мог понять, какой из них нужно уделить внимание. И увидел ирисы. Они лежали рядом, из букетика рассыпавшись в шесть или семь вислоухих голов. Цветы не спали; без слов они корили его, что он бесстыдно носил их с собой всю ночь, так и не сделав то, для чего был послан обратно в Лес. А Элли посапывала с другого боку, мало-помалу заваливаясь на его плечо.

– Цветы, – твердил мальчик, – я должен вернуть их. На место.

– Какое место? – сквозь сон пробормотала Элли. – Я знаю всякие места... и все-все тебе покажу. Там есть пролески и водосборы... еще ветреницы.

– Ирисы! – громко сказал Уильям. – Я должен вернуть ирисы!

Элли мгновенно проснулась – и все поняла.

– Не бросай их здесь, не бросай! – пронзительно закричала она. – Они погибнут, если ты оставишь их здесь!

– Но меня же и в самом деле съедят, если я...

– Неправда! – оборвала она его. – Ты врун, но ты совсем-совсем не трус! Возьми их с собой, так будет лучше.

– И тогда цветы не умрут? – обрадовался Уильям.

– Умрут, – вздохнула Элли и вдруг тихонько всхлипнула.

Не зная, чем развеселить ее, он спросил, как будто между прочим:

– Тебе, может, тоже нужно чего-нибудь съесть?

Он не столько беспокоился о ней, сколько о собственном пустом животе – ведь он голодал со вчерашнего дня.

– А, – махнула рукой девочка и снова зевнула. – В Лесу полно... всякой еды. И потом, есть я не так уж люблю. Вот сон – другое дело. Без него никак нельзя...

Уильяму интересно стало, что у нее за еда, и он теперь жалел, что не подумал спросить раньше. Элли предложила спрятать ирисы под рубашку, чтобы их никто не увидел, и взяла с него обещание, что он придет на следующий день.

– Потому что сегодня я буду спать, – пояснила она. – Ты меня очень утомил.

Она проводила его почти до самого берега, указывая по дороге ориентиры, которые должны были помочь ему не заплутать и выйти к их полянке. На месте, где Уильям накануне свернул не туда, в широком стволе дуба зияло преогромное дупло, – и ему стало немного стыдно из-за того, что он его не заметил.

– От дуба – налево, не направо, – серьезно говорила девочка. – Направо только со мной. Дальше я не пойду – до встречи!

Она понеслась обратно в чащу, колыхая своей синей одежкой – и скоро скрылась из виду, а Уильям смотрел на старый дуб и вновь думал о том, не чудилась ли она ему все это время – как призрак из книги, вызванный лишь затем, чтобы заморочить голову усталому страннику.

Переведя глаза в сторону, он увидел, как солнце неумолимо взбирается по ветвям. «Я вернул Блага, я не виноват, у меня их нет», – залепетал он мысленно, готовясь при случае повторить это вслух – без запинок и немой робости. Только бы не попасться опять учительскому взгляду. Только бы не попасться.

Он побежал по направлению к берегу, но все же не очень быстро – от таких приключений начинали побаливать ноги. Солнечные лучи насмешливо поглядывали на него с левого боку; а он продолжал говорить себе – еще не так высоко, еще можно подстеречь остальных где-нибудь у арки и смешаться с ними, когда они пробьются в ворота, и переждать снаружи, за статуей, и найти самому дорогу через переулки, и донести цветы до рук Лены и все объяснить ей...

Увы, вскоре до него долетели ликующие вопли из толпы детей. Когда он вышел на берег, там уже осваивались самые проворные ученики. Те, кто до сих пор боялся лестницы, медленно, держась за перила, передвигались по ступенькам бочком. За ними терпеливо спускались двое взрослых: один из них учитель, его широкую бесформенную блузу можно было различить еще из-за деревьев, другая коротковолосая, красивая, как искусственный цветок, молодая женщина – в обыкновенном зеленом жакете, поношенной зеленой юбке и зеленовато-прозрачных колготках, с гранитовой зеленой сумочкой в руке... и это была мама! Они с учителем обменивались какими-то фразами; судя по озабоченному выражению ее лица, она его о чем-то упрасивала. Оба замолкли, когда у нижней ступеньки появился маленький Уильям.

Он хотел что-то сказать, – и учителю, и матери, – но ему все время приходилось устремлять глаза вниз, и сводить перед собой плечи, и втягивать живот, чтобы не стеснять несчастные ирисы, и со стороны это выглядело как откровенное раскаяние, желание принять и выдержать наказание. Так думала фрау Левская (и это уберегало ее от невесть каких потрясений), так думал учитель, а дети, пользуясь замешательством взрослых, негромко болтали о своем. Неудачи Уильяма их уже не слишком волновали: они думали, что он, обиженный, начнет наконец возражать и тогда, может быть, совсем перестанет играть в тихоню и они примут его к себе, а может быть, его только еще строже накажут взрослые, и это будет еще более замечательно! Но вот он стоял, понутив голову, нелепо скрестив руки, как будто просил, чтобы его

еще больше ругали и наставляли, и это было очень для них непонятно и вовсе уж не забавно. И они отворачивались.

Мальчик взглянул на лицо матери – мимолетно. В ее глазах не было упрека или огорчения, напротив – такими пустыми они никогда еще не смотрели на Уильяма. Он опять склонил голову и стал подниматься. На полпути наверх она взяла его за правую руку и кивнула учителю, который уже собирал детей, чтобы произнести короткую речь, и тот любезно кивнул ей в ответ.

По дороге они оба – мать и ее незадачливый приемный сын – молчали. Мимо них спешили к большой площади Господа, одетые в голубые костюмы, и бежали в разные стороны рабочие в полинялых зеленых куртках; рабочие-носильщики в грязных зеленых рубашках катили телеги с фруктами, овощами и грибами из оранжерей. Рабочие-газетчики в зеленых кепках размахивали свежими номерами ежедневной газеты «Корабельный Предвестник», а хозяева лавок в светлых и темных красных костюмах – собственники – с бодростью поднимали со своих витрин рольставни. Весна и солнечная палуба звали пассажиров трудиться! Уильям с тоской наблюдал за суетливым мельканием разноцветных ног. Ему сильно хотелось, чтобы его забрал ненадолго кто-то, кому не было до него никакого дела, но мама, привязанная к нему крепче всех на свете, этого ни за что бы не допустила и потому тянула его за собой.

Когда они свернули на 3-ю Западную, фрау Левская задержалась у кондитерской, но не затем, чтобы купить какую-нибудь шоколадную булку. Она вообще редко покупала готовые сласти – пирогов хватало. Кроме того, кондитерская открывалась несколько позже. А вот ушлый газетчик Марко Модрич появлялся перед витриной со своей демонстрацией в такое раннее время, когда многие еще грезили в своих постелях о будущих Благах острова Америго.

– Эй, герр Модрич! – окликнула его Мадлен. – Вчерашний номер остался у вас?

Приунывший было Марко (в то утро покупателей как сдувало) прямо подскочил, чуть не шибанувшись головой о низкий навес над витриной, и подлетел к ним с целой кипой газет в руках, чуть не разметав ее по брусчатой мостовой.

– Имеется! – гаркнул он так, что Уильяму пришлось спрятаться за спину матери. – Два кораблеона! С сегодняшним – четыре!

– Как хорошо, а то муж так и забывает... – пробормотала Мадлен, но тут встрепенулась. – Как вы сказали? Четыре кораблеона?

– Все так, прелестная фрау! Четыре ценных кораблеона! Новый перечет Отдела Благополучия! Поправка о распределении...

– Да, да, слышала уже, чтоб они все за борт побросались, – сердито сказала Мадлен, выдергивая из недр сумки маленький бумажник с видом на палубу, вышитым тремя цветами – красным, зеленым и голубым. Еще разок вслух попрекнув невидимого Рональда за то, что он не купил «Предвестник» вчерашним утром, она забрала два номера и повела Уильяма домой. Остановившись у четырехэтажного апартаментария № ... в конце 3-й Западной улицы, она вновь поглядела на мальчика так равнодушно, как обычно смотрели взрослые, когда хотели показать особенное недовольство.

– Повезло же, что господин Ватари сегодня не пришел, – промолвила она. – Что ты там внизу все ищешь?

Рональд сидел за столом, на котором сох в одиночестве на большом прямоугольном подносе последний кусок пирога с яблочным джемом. Он недобро покосился на мальчика и пробормотал чего-то себе под нос.

Мадлен посмотрела на него с ласковым снисхождением.

– Ступай на службу, – посоветовала она ему. – Бурчишь, а сам расселся, как законописец.

Отец фыркнул, но шляпу натянул охотно. Мать проводила его игривым взглядом наябедничавшей на обидчика плутовки. Вообще-то ранняя прогулка на палубе ее несколько взбод-

рила; она кинула газеты на кровать и тоже собралась бежать на благофактуру, но вспомнила, что ей предстоит решить – как же быть с Уильямом?

Увидев помятые и обессиленные, но все еще живые ирисы, она чуть было сама не отправила сына обратно в Парк, но, поразмыслив, пришла к выводу, что фрау Бергер, которая продает искусственные цветы, вполне может найти им благое применение.

– Давай их сюда, Уильям.

Тот и не возражал, позволяя ей беспрепятственно завладеть цветами. Он ждал, когда же она почует запах (который порядком ослабел за ночь), но куда там! Она даже и не поднесла их к лицу, а лишь небрежно сгребла рукой и запихнула в сумку.

– Мама! Куда ты их прядешь? Там же тесно! И ты их даже не понюхала! Что ты с ними будешь делать? – завелся мальчик и принялся скакать вокруг матери, позабыв, очевидно, о том, что всю ночь был на ногах.

– Цветы я вечером отдам в умелые руки фрау Бергер, – холодно ответила та, – и для них найдется благополучное место на палубе. А вот тебе следовало бы задуматься о своем поступке.

Мальчик перестал прыгать и присел на пол, ошарашенный. Никогда он еще не слышал от нее таких неприятных, таких чужих слов, – и чего, интересно, наговорил ей учитель? А Элли – Элли все-таки хотела, чтобы ирисы оказались у него дома! Что же он сделал не так? Мама сурово глядела на него сверху вниз – и прикидывала что-то в уме.

– Вот что, юноша, – после недолгого раздумья заявила она, – завтра ты снова отправишься в Школу... Учитель обещал мне не спускать с тебя глаз.

От этого Уильям совсем приуныл и опять стал вести себя тихо. Он не таил ни капли зла на мать, нет, он любил ее! Ее слово еще имело над ним необыкновенную власть, превосходящую и власть учителя. Ради нее он готов был даже забыть об Элли – хотя и расстался с той всего час назад! Проглотив по наставлению матери три чайных ложки терпения и две – благоразумия, он забился в угол комнаты с книгой о приключениях хладорожденного волшебника Криониса. И там уже его захлестнуло горькое, как эти жидкости из склянок, чувство вины перед всеми – и перед мамой, и перед учителем, и перед другими детьми, и даже перед незнакомым ему господином Ватари. Горечь перешла на кончик носа и края глаз, и это очень было похоже на то, что случилось на берегу Парка – только сдержать слезы теперь было чуточку легче.

Фрау Левская, словно и не замечая терзаний сына, погремела в воздухе ключами и удалилась, унимая тревогу о его судьбе мыслями об уютном стуке ткацкого станка и воздушных тканях. Хлопнула дверь – и Уильям остался наедине с книгой. Он начал перелистывать страницы и смотреть на картинки, чтобы отвлечься от грусти. Голос Элли по-прежнему теплился где-то внутри него, сопротивляясь всем недобрым чувствам. Он вспомнил запах ее ладони – она пахла всякими цветами и еще грибами, каких он никогда не пробовал. Нос тут же прекратил болеть, и тогда Уильям поднялся и сгрыз маленький кусок суховатого пирога – и это помогло прогнать неприятный вкус с языка. Он вернулся в свой уголок к раскрытой книге и, оттолкнувшись от светло-зеленой стены, нырнул с головой в историю Криониса. Крионис, измученный, обливающийся талой водой, искал среди песков пустыни вход в древнюю подземную пещеру, – но вместо этого встретил какую-то странную девушку, которая состояла из еще более холодного льда, чем он сам, но почему-то не таяла, а еще у нее почему-то были темные волосы, которые опускались до шеи, и она улыбалась так, будто расхаживала по той самой хрустальной пещере, а не под палящими лучами коварного солнечного диска...

Он проснулся глубокой ночью в своей кроватке, вспотевший, жутко напуганный и весь в недоумении. Но его успокоило негромкое, отрывистое рычание – это храпел герр Левский, и не было никакого сомнения в том, что рядом с ним спит и мама. Мальчик же сновидениями насытился и не хотел к ним возвращаться – да и не мог. Он попробовал вспомнить, что же все-таки творилось в этих сновидениях, но это удавалось ему плохо, еще и храп постоянно встре-

вал, поэтому он решил подумать о чем-нибудь другом. Конечно, впереди всех на это решение отозвалась лесная девочка, и Уильям с радостью освободил для нее место – до самого утра.

II

Мама подошла к нему около семи часов.

– Ах, ты уже не спишь! – без особенного удивления пробормотала она, поцеловала его лимонно-сахарными губами в лоб, нос и подбородок, о чем договаривались каждый раз перед сном, и вернулась к духовому шкафу. Рональд еще похрапывал, без помех растягиваясь на матрасе.

Обстановка апартаментов № ... была небогата и не располагала ни к чему праздному. У левой от Уильяма стены рядом теснились платяной шкаф с резным орнаментом на дверях, зеленый диванчик и комод для хранения белья и других важных вещей (на комод – бронзовые статуэтки Создателей, совсем не такие красочные, как в Школе). Двухспальная кровать у правой стены каждое утро облачалась в покрывало с вышитым изображением великолепного прибрежного сада. Кроватка Уильяма стояла у единственного окна, которое выходило на запад. Из окна было видно высокую сплошную ограду, разграничивающую палубы, и сверкающие крыши и башни на той стороне. Два деревянных стула простаивали себе возле родительской кровати, но шли в дело в том случае, если утренних гостей было двое или даже трое. В пустом углу между спальными местами висели две примыкающие друг к другу полки – с книгами для Уильяма и герра и фрау Левских. Под этими полками, на раздавленной, закатавшейся мелким зеленым пухом подушке, мальчик обычно усаживался для чтения. Напротив его кроватки, по правую руку от входной двери, стоял старый кухонный сервант, а рядом с ним – плитка, мойка и маленький холодильник. Скатерть на столе была украшена скучным зеленым узором.

Уильям приподнялся на кровати и глянул на стол. Там уже появилась голубая картонная коробочка в соблазнительную белую клетку – мама все-таки побывала в кондитерской накануне. Это было здорово – значило, что она и правда больше не сердится! Но потом он вспомнил о жадных пальцах захаживающих к ним Господ и сразу же сник.

Для него как раз придумали полезное развлечение. Пока доходил пирог, мать успела сводить Уильяма в подвал дома, где помещались сравнительно обширные, сырые комнаты для общих нужд – уборная, постирочная и купальня. В купальней она хорошо вымыла его под горячим душем и сама, масляная от пота и мыльной пены, ополоснулась вместе с ним, предусмотрительно подвязав волосы зеленым полотенцем. С этим полотенцем, обмотанным вокруг головы как попало, и особенно вставшая боком, она еще больше была похожа на гигантский цветок вроде колокольчика. Запах от нее шел не очень цветочный, и она считала его неблагоприятным, но на самом деле пахло бесконечно и необъяснимо приятно, так что верхом счастья было оказаться у нее под грудью или под мышкой.

– Ну что ты присосался? – бормотала она, будто ей это не нравилось. – Не тыкай, не тыкай пупок. Щекотно. Еще раз тебя натереть? Дай свою грязь уже смою. Сейчас Господин придет, отца будить надо... Вечером опять скупнемся.

– Вечером тут, наверно, твои рабочие будут.

– Подумаешь! Да пусть они в Океане идут мыться, если кто чего захочет сказать.

В этот раз Уильям решил, что если Элли – принцесса, то маму с ее высокой грудью и длинной шеей можно признать за королеву – когда она не слишком уставшая. Разумеется, книжные королевы обыкновенно купались не в подвале под струйками и двумя лампами, а в огромных, светлых бассейнах с пряностями и медом или даже горячих источниках под открытым небом. И хотя она была такая красивая и мягкая, она так часто посылала кого-нибудь на дно ужасного Океана; Уильям не слышал, чтобы кто-то всерьез осуждал ругательства из уст взрослых, но в книгах-то их было довольно мало, а титулованные особы не пользовались ими вовсе, поэтому мама была очень странная королева.

Устроившись высыхать в апартаменте, Уильям решил еще чуть-чуть подумать о Парке перед завтраком и был очень озадачен, когда вместо девочки по имени Элли к нему возвратился кислый запах страшного существа, которому они едва не попались той ночью в лапы. Тогда он отметил, что дурных мыслей это теперь не вызывает, только странный интерес – у Уильяма ведь была игрушечная фигурка островного тигра, который скалил свою пасть прямо так, как должен был скалить тот зверь. И вот Уильяму захотелось выяснить, действительно ли он издает такой запах, – тигр жил совсем рядом, под его кроватью.

Он скинул с себя цветистое одеяльце, стал на пол на четвереньки и потянулся за ящиком с игрушками.

– Уильям, ты же давно ходишь в Школу, – заметила мать, возясь с длинноносой туркой.

Мальчик высунул голову из-за нависшего одеяла и уставился на нее. Она почувствовала это и обернулась, вытирая забрызганные руки о зеленый передник.

– Мне кажется, тебе уже не нужны игрушки, – сказала она миролюбиво. – И твои глупые книжки уже ничему не научат...

И снова опустила руки в мойку; тонко зашипела водяная струя и задрезжала посуда, оставшаяся с готовки.

– Уильям! Тебе ведь скоро семь! – добавила она все же укоризненным тоном.

– И что с того? – внезапно возразил ей мальчик.

– Как что! – Мама так удивилась, что уронила вазочку для джема, и та брякнулась в мойку одновременно с ее возгласом, превратив его в устрашающий вскрик. Уильям вздрогнул. – Ты становишься взрослым, а значит, должен быть серьезным и слушать своего учителя, а соблазняться бестолковыми детскими рассказами взрослому вредно! Вот отец вчера не спал, про нимфов ваших рассказывал, которые с голой попой везде бегают и рисунки на ней рисуют... теперь храпит, бездельник, забыл, что к восьми будут гости!

– Подымаюсь сейчас... – послышалось бурчание с большой кровати.

– Но, мама, что ты говоришь! – пришел черед удивляться Уильяму. – Ты же сама их читала, разве нет?

– Только до пяти лет! – гордо отозвалась мать. – Или около того – уже не вспомнить... Потом я училась шитью! А вам обоим нужно объяснять, что вредно, а что полезно! Мальчишки.

«Опять с ней что-то не то, – сказал себе Уильям. – Может, не надо было нажимать кнопку?»

– Я всегда думала, что буду шить одежду... Красивые платья из кружева и ситца! Сколько одежек сработала девочка! Правда, они даже на куклах не смотрелись, кроить я так и не выучилась... Что и говорить, завидую фрау Дайс!

Уильям под шумок опять нырнул в подкроватную прохладу, нащупал гладкую кромку и дернул на себя. Ящик грузно пополз на свет, бороздя шероховатые доски; гулкий, противный звук раздался по всей комнате. О мастерстве фрау Дайс матери пришлось забыть.

– Уильям! – возмущенно прикрикнула она, но голос ее тотчас же стал очень тонким и жалобным. – Рональд!..

Отец сел на кровати и, чтобы проснуться, похлопал себя по грубым, покрытым колкими черными точками щекам.

– Делай, что мать велела, – сказал он равнодушным басом. – Оставь этот ящик, а не то я тебе его на голову надену.

Около четверти девятого в дверь постучались.

– Создатели мои, творцы! – взволнованно зашептала мама. – Это, должно быть, пришел Господин! Но отчего так поздно?

Она устремилась ко входу. Рональд занял привычное место за столом. Стук повторился. Уильям, который благополучно стрескал уже свои картофельные оладьи, забрался на кровать и начал усиленно думать о всяких приятных вещах, потому что гостей он не любил.

– О, я уже иду! Открываю! – воскликнула Мадлен.

А за дверью стоял строгий голубой костюм. В нем, понятно, находился еще и человек, но человек был худой, как карандаш, и костюм висел на нем, как на вешалке; кроме того, физиономия была ужасно юная и непредставительная, с едва проскочившими жидкими усиками, так что Мадлен узнала именно костюм.

– Зайдите, – растерянно сказала она. – Господин...

Она ждала, что он вежливо объявит свою фамилию, но он вместо этого сделал два резких и широких шага внутрь, даже не пошаркав туфлями о половики, и очутился у стола. Хозяйка последовала за ним.

– Вы сядете вот здесь, – мягко объяснила она и выдвинула стул с противоположного конца, чтобы гость поместился спиной к окну и детской кровати; она знала, что Уильям будет за это благодарен.

– Ничего подобного, – возразил юноша. – Я очень тороплюсь и поэтому сяду ближе к двери.

И он бесцеремонно захватил место, которое хозяйка отвела для себя; та пожала плечами и отошла к плите. Небритое лицо Рональда на миг исказилось от негодования, но он с легкостью его выправил. Ему было не впервой, хотя манеры властителей обычно его так не сердили. Гость тем временем завладел крохотной серебряной ложечкой, предназначенной для поедания пирога, и звякнул ей о чашку, наполненную вкусным кофе.

– Ваш кофе похож на сквозняк, которых в этом прекрасном доме уже более чем достаточно, – неодобрительно заметил он. – Вас не предупредили, что я прибуду в восемь пятнадцать?

– У ваших друзей принято переступать мой порог ровно в восемь часов, – с неизменным почтением ответила ему Мадлен Левская. – Все было готово к восьми.

Господин покачал головой и ткнул ногтем в картонный верх клетчатой голубой коробки, тот распахнулся, обнаруживая желто-бурую плитку фаджа. Он недоверчиво ковырнул ее, затем взялся за десертный нож, неумело покромсал плитку, выскреб уголок и отправил его в рот. Стоило ему прикусить, и его лицо сделалось не просто непредставительным, а прямо-таки злым и сплюсненным, как у обиженного ребенка. Еще забавней стали смотреться его усики! Рональд сумел опять сдержаться – теперь от усмешки.

– У меня с этой стороны челюсти нетрудоспособен коренной зуб, – с достоинством, насколько того могло хватить в сплюсненном лице, пояснил молодой человек.

– Сломался? – участливо спросила подросевшая хозяйка. Она опустила поднос с пирогом посередине стола и села напротив гостя.

– Нетрудоспособен! – раздраженно повторил Господин. – Скорее предоставьте мне новый кофейный напиток, соответствующий требованиям к температуре.

Мадлен вздохнула и пошла опять к плите, чтобы подогреть турку. Когда гость вдоволь поковырялся в зубах острым держалом серебряной ложечки и глотнул обжигающего кофе, он вдруг улыбнулся и перестал выражаться злыми бумажными словами. И даже приступил к пирогу.

– Полюбился мне ваш лимонный джем! – весело сказал он минуту спустя, чувствуя, видимо, огорчение хозяйки «сквозняком». – Вы и вправду мастер, как мне говорили!

– Смею думать, тканье у меня выходит лучше, – скромно ответила Мадлен. – Если бы только я умела кроить...

– Не принижайтесь, милая фрау Левская, – еще польстил ей молодой властитель, соизволив наконец к ней обратиться, и тут же все испортил: – Весьма вероятно, с кройкой вы бы справлялись не хуже, чем с пирогами!

На сей раз он вовсе не думал ее оскорблять, да и Рональд поначалу принял комплимент как положено, но вот выражение лица хозяйки теперь больше любой вещи в апартаменте напоминало о том самом сквозняке. Она разом проглотила то, что оставалось от ее куска, поднялась и швырнула блюдо в мойку. Увидев это, ее муж насупился и решил-таки перейти в наступление.

– Нельзя ли узнать, когда вы окончили Школу? – осведомился он почти без страха в тоне.

– В минувшем году, – охотно признался юный Господин. – Но учитель верил в мои способности, а Глава моего Отдела поощряет меня как возможно – не считите за хвастовство...

– Знаете ли, мне не нравятся эти ваши усы, – перебил его угрюмый Рональд. На эти слова даже Мадлен обернулась с перекошенным от испуга лицом. Муж не обратил на нее внимания, хотя она возбужденно кивала на бронзовые фигурки на комод, так что блюдо в ее руках расплескивало воду на зеленую стену. Молодой человек, впрочем, тоже на нее не смотрел, он улыбался Рональду.

– Знаете ли, мне не нравится ваша небритая физиономия, – снисходительно ответил он. – А кроме этого, от вас отвратно несет вчерашним размышлением. Но ведь вы понимаете, в чем разница между нами? Я – ваш Господин, законописец. Я же могу издать закон, чтобы вам сокращали месячное жалованье за неблагоприличный вид на службе. Общество наверняка осудит вас, а я слышал, что это не очень приятно. И, скажите, разве захотите вы в таком случае оспаривать решение Господина, достойного заместителя Создателей на Корабле?

– Вы издадите закон? – насмешливо отозвался герр Левский. – Думаете, мы не понимаем распорядок ваших трудов? Я, между прочим, читаю прессу. Кому сдалась ваша бумага, когда их там каждый день – пропасть? Которая дойдет до Собрании, так это точно не... как сказать? дебютантская, а какого-нибудь увальня первого ранга, кто с этим главным на обеды ходит...

– Я не говорил, что это случится сегодня-завтра, – хитро сказал юноша. – Но стоит еще поискать такого, кто стремился бы к Цели усерднее моего, а где усердие, там и высокий ранг. Вероятно, я и сам однажды буду Главой палубы и приведу наш Корабль на остров – отчего нет?

Рональд опасно захрипел, но не стал ничего говорить вслух. Тут деликатно, три раза, стукнули в дверь.

– Рассыльный! – ахнула хозяйка. – И он чего-то припозднился. Рональд, я заберу!

– Весьма благодарен тебе, Мадлен, – пробурчал тот, наблюдая, как Господин за обе щеки уплетает кусок воздушного пирога.

– ...Распишитесь за прием, – послышался голос рассыльного.

Скоро на столе появились, ликующе звеня, три небольшие, объемом в полчетверти литра, склянки. На каждой была наклейка с мелкими надписями, и с виду сосуды казались неотличимыми друг от друга. Несмотря на это, Мадлен без колебаний выбрала одну из склянок и вынула пробку.

– Тебе чего нейметса? – удивился Рональд, забыв о несносном поедателе пирогов. Господин, услышав этот вопрос, поднял голову, прекратил жевать и на мгновение даже сконфузился. Хозяйка накапывала в стаканчик не что иное, как благоразумие, которое в таких случаях было полезно для успокоения.

– Герр Левский, – торжественно сказал молодой человек, прожевав свой конфуз вместе с остатками бисквита, – ваша супруга очень рассудительна и по-настоящему привержена Заветам. Следуйте ее примеру, прошу вас! А мне пора уходить. Как вам уже известно, я сегодня страшно тороплюсь.

Мадлен едва кончила наполнять стаканчики для домашних, как он уже захлопнул за собой дверь.

Герр Левский запустил пальцы в голубую коробочку, а жена перенесла все порции на стол и хотела выговорить ему за безрассудное поведение, но взгляд ее застыл на серебряной десертной ложечке, которой Господин пытался выковырять неудачно выбранное лакомство из своих властительских зубов. И уж теперь ей подумалось, что гость, по меньшей мере накормленный, все же заслужил эти нападки, по меньшей мере в пределах апартамента. Одними губами она послала ему вдогонку маленькое, но крепкое ругательство и пришла в себя.

– Неплохо бы сводить его к парикмахеру, – заметил Рональд, указывая на мальчика, о котором все позабыли. – Что-то он слишком оброс.

– Мама! – вскричал Уильям со слезами в голосе. Только-только он обрадовался быстрому исчезновению строгого голубого костюма!

– В самом деле! – подхватила Мадлен, которая и сама была рада отвлечься. – Завтра как раз воскресенье, устроим обед, а потом ходим к фрау Барбойц!

«Да чего же это с ней такое?» – в отчаянии думал мальчик.

Но вдруг он просиял.

– А как же Парк, мама? – нашелся он, уверенный в том, что она не пойдет против Школы. (И Элли! Тогда завтра он опять будет с Элли!)

– Да, – задумчиво произнесла Мадлен, – не мешает еще поговорить с учителем. Почему бы не отпустить тебя на воскресный обед с мамой и папой? А если и он недоволен твоей праздной шевелюрой, в чем я не сомневаюсь, то я честно предупрежу его, что ты немного задержишься. И нечего тут возражать, мы еще не забыли, что ты выкинул с этим Парком! А теперь выпей порцию и одевайся. Все изгваздал, я вчера еле отстирала.

Уильяму оставалось только надеяться, что до завтра она закружится со своей службой и сливовым джемом для воскресного пирога и все равно отведет его в Школу, а он сумеет скрыться в Лесу на весь день и отдалить невыносимую стрижку хотя бы на неделю.

Учитель не оставил без внимания пятничную просьбу фрау Левской – он и впрямь согласился пожертвовать отдыхом на уютном холсте ради того, чтобы маленький пассажир понял свою вину и вовремя избавился от праздных искушений Парка.

– Я говорю с тобой как с другом и прошу тебя, помни, зачем милостивые Создатели дали тебе увидеть это чудесное место!..

Уильям уже не особенно верил ему. Элли, которая не высывалась из Леса, никак не могла прознать об учителе, но сам учитель наверняка о ней знал и обманывал его, Уильяма, и других детей! А как можно было верить тому, кто говорил, как злодей, неправду?

«А вдруг Элли – это такое же Благо, как и цветы? Ведь тогда получается, что учитель правильно не говорит о ней, – с тревогой подумал он, сидя, как прежде, у воды – в окружении гладких камней, на прилипчивом песчаном покрове. – Завтра спрошу у нее, можно ли забрать ее с собой».

Без Элли этот день тянулся, как вязкие конфеты, которые Уильяму преподносили в дни Праздника Америго. Конфеты все же никогда не были скучными и почти никогда горькими и неаппетитными (во всяком случае, если после праздников не приходилось сдавать его на растерзание зубному доктору; тогда-то он никак не мог думать о конфетах без горечи). Ему очень хотелось рассказать кому-нибудь о принцессе – но он понимал, что рассказывать некому. Родители решат, что он ее выдумал, учитель снова накажет его, а уж остальные дети просто поднимут его на смех. Теперь его слушали только воды во рву, безмолвные камни и песок.

Учитель в это время сидел на своей подстилке, прислонившись к широкому стану одного из деревьев. Он давно погрузился бы в блаженный сон, но ему мешала жалкая и почти неподвижная фигурка невдалеке. Он вздыхал, качал головой и шептал что-то в воздух, обращаясь так, по-видимому, к самим Создателям.

Все привело к тому, что появлению матери Уильям обрадовался еще больше обычного.

Родители подходили всей массой прямо к воротам Парка, и по низкому гулу их голосов ученики догадывались об их приближении еще на берегу. Заслышав этот гул первым, Уильям бросился к лестнице и проворно взбежал на палубу. Учитель, который намеревался прочесть ему короткое заключительное наставление, вынужден был подняться за ним и открыть ворота. Наставлять все равно было некогда – пора было пройти по вверенной ему окраине Парка и созвать детей.

Мадлен ждала сына, как было условлено, в смежном переулочке – так им не приходилось искать друг друга в стремительно растущей толпе на маленькой площади. Она встретила его такими словами:

– Сейчас пойдем к фрау Бергер, а дома возьмемся за суп и все прочее. Пошли!

С вами наверняка бывало, чтобы все вокруг оборачивалось против вас, вопреки всякой логике, дважды кряду. И Уильям, поначалу обрадовавшись, тут же пожалел о том, что этот день продолжится именно так, а не как-нибудь иначе.

Мать нередко заходила по вечерам и воскресеньям в цветочный салон «Розалинда» (названный по имени фрау Бергер). На палубах в большом количестве водились искусственные цветы; эти цветы, как символы Благ острова, украшали заведения, учреждения и некоторые дома и апартаменты. Фрау Бергер продавала такие цветы Господам и собственникам за достойную цену. Фрау Левская никогда не покупала у нее цветов, только любовалась на них, из почтения к хозяйке... А Уильям все никак не мог понять, зачем нужно брать его в этот салон. Мама постоянно жаловалась цветочнице и рассказывала ей что-то, а потом опять жаловалась, и жаловалась в ходе рассказов, и рассказывала в ходе жалоб. Обе они повторяли одни и те же слова: «труд», «законы», «пресса», «кораблеоны», «доктора», «положение», «благополучие», а еще забавное слово «ратуша», похожее на какую-нибудь мохнатую зверюшку из Леса. В эти разговоры Уильям не вмешивался, и женщины совсем не замечали его рядом с собой. Конечно, если не считать приветствия от фрау Бергер: «Ах, так это Уильям, малыш! Так здорово подрос – вам так не кажется, милая фрау Левская?» Розалинда Бергер любила вставлять в самые разные места отрывистое и колкое слово «так», и это понуждало его думать о ткацком станке, с которым мама проводила шесть дней в неделю.

Прогулке же он был, пожалуй, немного рад. Чтобы попасть в салон фрау Бергер, им следовало пройти от дома до противоположного конца 3-й Западной, затем пересечь обширную центральную площадь. На этой площади располагалось внушительное кирпичное здание с высоченной четырехугольной башней о двенадцати уступах; вокруг него обитали яркие искусственные цветы на больших клумбах. Из клумб явно складывались какие-то символические узоры, но различить их могли только те, кто наблюдал с подходящей точки – из окон верхнего этажа или с обсерваций на башне. Между их изгибами непрерывно маневрировали занятые люди в голубых костюмах, и там даже чаще, чем в других местах, слышалось слово «ратуша». За площадью, если Уильям и фрау Левская шли напрямик, сразу открывался Восток палубы, и если они выбирали нужную, 4-ю, улицу, то оказывались среди несравнимо спокойных рядов опрятных магазинчиков, салонов и ателье, где можно было заказать дорогие льняные брюки, приобрести новый портфель или несессер или сделать фотографию. На этой улице находилась и парикмахерская фрау Барбойц, и когда они приближались к горящей красным светом необычной вывеске (в фамилии Барбойц буквы «б» и «о» – кольца огромных ножниц, у той же буквы «б» вместо верхнего элемента – красный гребень в форме полудуги), Уильям начинал заметно подрагивать. Мадлен при виде этого кляла себя вечными муками в Океане за то, что не заставила его натянуть лишний слой одежды, даже если погода стояла безветренная и вообще – весенняя. Теперь бояться было нечего – вывеска не горела, парикмахерский салон был закрыт и не мог привлечь внимания матери. А вот электрическое сияние, излучаемое с

купольного потолка салона «Розалинда», не гасло до глубокой ночи, и оттого с улицы казалось, что за витриной сохраняется солнечный день.

На сей раз они добирались до площади по длинной 1-й Северной улице, серой, неприветливо глазающей на них с высоты плоских крыш. Возле этих апартаментариев никого еще нельзя было найти, разве что горстку реставраторов, озабоченных службой, или электротехников с динамическими фонарями. Не было тут и стариков – те выходили на мостовую после девяти, когда включались большие уличные фонари.

Центральная площадь и в сумерках жила деятельной спешкой; правда, здесь фонари включали раньше, так что они с матерью не столкнулись ни с кем из Господ. Впрочем, эти Господа суетились на площади так часто, что легко уваливали бы от столкновений и с завязанными глазами. 4-я Восточная улица, наоборот, пустовала. Только одна собственница разминулась с ними, стуча каблуками и отчего-то кутаясь при такой погоде в длинное пунцовое пальто. Уильям ее не заметил – они проходили в это время мимо закрытого салона фрау Барбойц, и он следил за тем, чтобы буквам-ножницам на вывеске не вздумалось загореться в неподходящий момент.

Немного спустя с правой стороны улицы вспыхнул другой, гораздо более яркий свет; салон «Розалинда» имел стеклянный фасад. Внутри было еще ярче, нестерпимо ярко; Уильям повертел головой. Из-за зеркальных перегородок, установленных по всему салону, мальчику мерещилось, что салонов сразу несколько и все они непостижимым образом складываются друг в друга – словно цветные фигурки, вырезанные на страницах тех книг, которые он рассматривал очень-очень давно, когда ему было три года или и того меньше. Книги приносили удовольствие, но от теперешнего зрелища его стало слегка подташнивать. Из-за зеркал появилась женщина в броском пурпуровом плаще и с золотыми завитками вокруг лица, и тогда он уже совсем пригнулся к полу и как-то болезненно мыкнул.

– Уильям! – вскрикнула мать и решительно, обеими руками, его разогнула. – Фрау Бергер, не найдется ли у вас воды?

– Разумеется, так! – странно улыбаясь, кивнула цветочница и отправилась в подсобное помещение. Уильям покашливал и сглатывал воздух, наполненный смесью парфюмерных запахов. Мадлен беспомощно оглядывалась по сторонам до тех пор, пока хозяйка не появилась опять и не поднесла им стаканчик с водой.

– Создатели, творцы! Благодарю вас, – обрадованно сказала Мадлен. – Как ваши продажи?

– Сейчас умеренно. К августу будет спрос и благополучие. А ваш сынок так вытянулся, прямо-таки эремурус!

Уильям поперхнулся.

– Ваши цветы не капризничают, – проворчала мать. – Вода ему, глядите, не нравится.

– Так что же тут удивительного! – заступилась женщина в завитках. – Как же ему не бояться воды? Всех нас, взрослых даже, Океан так страшит, так страшит! Что требовать от ребенка?

Фрау Левская опять согласилась с подругой, и они сменили тему. Мальчик смотрел на паркет, расписанный благовидными узорами – длинными, причудливо изогнутыми стеблями в спиральных отростках и лепестками разных оттенков красного, – и пытался забыть об обеих так же, как они забывали о нем, но выходило это с трудом. Взрослые вообще гораздо лучше умели забывать всякие разности, даже очень важные – отец, например, еще с января обещал купить ему сувенирную фигурку волшебника Криониса, но так и не купил, хотя Уильям все время помогал ему вспомнить, показывая книгу. И – как ужасно! – почему нельзя теперь забыть о том, что утром ему запретили читать и играть?! Прощай, сувенирная фигурка! Ужасные, какие ужасные мысли! Но они смогли отвлечь его от болтливых женщин. А вот откуда брался такой яркий свет на потолке? Отец говорил ему, что в дома проводится электричество,

которое можно держать в особом разъеме или выключателе. Когда оно понадобится пассажиру, чтобы разогреть чайник с водой или для чего-то в этом духе, оно всегда бывает под рукой. Уильям спрашивал, что это такое и откуда берется. Отец смеялся и отвечал, что об этой стихии много написано в умных научных книгах, которыми мудрые Создатели одаривают тех, кого надо, а Уильям, если не хочет ждать занятий в Школе, может купить все книги себе сам. Уильям решил спросить на это кораблеонов – но только и получил что шутовую оплеуху. Боль была, между прочим, вовсе не шуточная, и он даже стал хуже слышать отца, который, ухмыляясь, говорил что-то о праздном любопытстве.

Он задумался, и все вокруг начало меняться на глазах. Свет уже не раздражал его – он витал в солнечной и чистой вышине Парка Америго; не было места монотонным женским голосам, они уступили сумбурным птичьим трелям, а зеркала теперь создавали своими отражениями густоту неизведанного Леса. Так прошло долгое время; но наконец мама умолкла и обернулась на секунду, справиться о его состоянии; пришлось подумать и о ней. Грустно! Он хотел принести ей радость, и как она отвергла ее! Бедные ирисы, живы ли они? А ведь это можно выяснить прямо сейчас!

– Фрау Бергер, а где настоящие цветы? – неожиданно громко и смело спросил мальчик, и разговор застыл.

– Простите уж его, фрау Бергер, – опомнившись, сказала мать нетвердым голосом. – Ведет себя прямо как несмышленный... а ведь уже почти семь лет!

– Что вы так, милая фрау Левская, – примирительно ответила ей цветочница. – Вы лучше радуйтесь! Семь лет – так не семнадцать. Когда справляете?

– Да как же! – отмахнулась Мадлен. – Сразу после праздников! Верно ведь, с восьмого числа соблюдать?

– Так, – кивнула фрау Бергер. – Но вы все равно спроситесь! Или так невозможно?

– А благофактура встанет! Это вашим цветам хоть бы что, а у нас...

– Ну так вечером стол накройте. Тем более что ваши пироги, я так слышала – мечта любого мальчишки! Так, Уильям?

Тот уже отошел в сторонку и, повернувшись спиной, делал вид, что изучает большую вазу с гелиотропами и ничего не слышит.

– Без того огорчаюсь в конце дня, а тут еще и ребенок, – пожаловалась Мадлен.

– Так не огорчайтесь! – весело откликнулась цветочница. – Так вы не хотите приобрести искусственный цветок? Ваш мальчуган, между прочим, уже абутилоном увлекся. Прелестное, так сказать, растение!..

– Как же, это ведь праздность, это не принято... Вы забываете о моем положении.

– А мне говорили так, что рассмотрят закон, чтобы все должны были иметь хотя бы одно такое растение, – поделилась фрау Бергер. – Вы знаете, как они толкуют предписания: сегодня так, завтра эдак. Сегодня сбивает с пути, завтра наставляет и поощряет к труду.

– Ну, пока еще рассмотрят, мы с вами в облака пойдем, – ответила Мадлен.

– Вероятно, так, – пожал плечами фрау Бергер. – Но ко мне вы все-таки заходите!

– Зайдем, еще зайдем! – улыбнулась Мадлен и направилась к широким створкам стеклянной двери. Уильям, кинув еще озлобленный взгляд на цветочницу в завитках, последовал за матерью.

Фрау Левская не стала его ругать, и это было благоразумно: ей предстояла долгая готовка, а пироги из волнений получались недостаточно воздушными, уж ей это хорошо было известно. Уильям и без того очень опечалился, но, к счастью, тошнота не давала больше себя знать.

3-я Западная улица погрузилась бы уже во мрак, если бы не зажглись ряды одинаковых фонарей, похожих на леденцы из кондитерской. Пассажиров на мостовой видно не было, они занимались всякими делами за горящими окнами. Уильям подбегал к стенам апартаментариев

и старался подпрыгнуть как можно выше, чтобы подсмотреть хотя бы в нижние окна. Ему было интересно – как проводят свободное время другие люди? Читают ли они газету и книги? готовят ли вкусные пироги? зовут ли к себе домой гостей? о чем говорят со своими детьми? Мать с недовольной миной сворачивала за ним, брала его за плечо и возвращала на дорогу, указанную с обеих сторон учтивыми фонарями. Свет проследовал с ними до самого конца улицы, а потом взлетел над темной оградой и унесся к рабочим постройкам соседней палубы, к большим полукруглым, как в Школе, окнам, и слился с удаленным рокотом механизмов.

В апартаментарии № ... не горело ни одно окно.

Фрау Левская в изумлении приостановилась, и Уильям, почуввав свободу, быстро добрался до окон первого этажа. Некоторые из них были распахнуты, и он слышал разговоры, но разобрать, о чем говорили, было трудно. Несколько сбита с толку, Мадлен двинулась к парадному, и только уже внутри хватилась сына и громко позвала его. Уильям опасно шагнул в черный проем, и тотчас его нащупала внимательная рука матери.

В глазах у обоих стояли желтоватые пятна от фонарей; Мадлен опиралась на старые перила («В доме живет реставратор, а дом того гляди обрушится») и вела мальчика за собой. В каком-то месте он попал тупым башмаком в подступенок и наверняка разбил бы себе нос, но мать вовремя выставила руку, сама рискуя свалиться с лестницы. Все же они благополучно достигли нужной двери – крайней правой на четвертом этаже, с круглой деревянной табличкой – как на всех дверях в парадном. Номер на табличке можно было различить, привыкнув к темноте.

Последней надеждой был крохотный, почти незаметный и днем, выключатель в стене на площадке. Но без электричества от него не было никакой пользы, в чем они и убедились.

Зеленая дверь с табличкой оказалась незапертой и вела, как и дверь парадного, в крошечную тьму.

– Ну что за сюрприз! – всплеснула руками мама.

Свет крайних фонарей как-то ухитрялся проникать через окно с улицы; благодаря ему в фигуре, распростертой на большой кровати, угадывался отец. Тот рухнул на кровать, не избавившись даже от рабочей куртки, а шляпу зачем-то надвинул на лицо – будто от такого света нужно было защищаться. Недолго думая мать крадучись подобралась к изголовью и аккуратно спихнула шляпу. Тут же она попятилась, чуть не сшибив Уильяма: шляпа была измазана какой-то липкой смесью – как раз в том месте, где она ее ткнула.

Рональд, конечно, только притворялся спящим. Он привык в это время ужинать и теперь, несмотря на обстоятельства, ждал. Когда стало ясно, что жена и приемный сын вернулись, он перекатился на бок и потянул руку к спинке ближайшего стула.

– К соседям заходил, знают? – услышал он жалобный голос.

– Знают, что света нет. Что случилось, никому не ведомо.

– Совсем не ведомо? – спросила жена.

– Провод, может, менять будут...

– А мы никого не видели.

– Зайдут еще, – неуверенно сказал Рональд.

– Вот оно, значит, как, – вздохнула жена. – А твоя шляпа? Надо же, такая старая, это даже впотьмах заметно, а я не обращала внимания. Верно сказал Господин – у тебя неблагополучный вид! Пора на новую откладывать. И надо бы сперва костюм посмотреть для парада, стыдно выходить в одном и том же седьмой год, – проворчала она, тщетно пытаясь разглядеть, чем именно запачкался кончик пальца.

– Пустяки, – сказал Рональд. – Что мне эта шляпа? На парад я в ней все равно не хожу. Да еще поглядеть надо, может, надфилем поскребу, как подсохнет...

– Совсем испортишь, – ответила жена. – На тебя целая смена смотрит, а ты как с чердака вылез.

Рональд уселся на стул и стал шарить по столу в поисках острого предмета. Напрасно – все приборы были убраны в ящичек серванта.

– Что там с проводами? Когда включат?

– Кого, провода? – рассеянно пробормотал Рональд.

– Да нет же, электричество! Что с проводами?

– Перебили где-нибудь. А может, какой-то паразит костюмный написал закон – чтобы вот эти по субботам без света сидели.

Мадлен сама изнеможенно опустилась на стул.

– Скажет тоже... А мы еще в купальную собирались. Под горячую воду... Так успокаивает. В больших апартаментах ванны ставят отдельные, слышал? Я б там и полежать без света не отказалась.

Рональд фыркнул и замолчал ненадолго.

– А ужинать есть? – спросил он затем вкрадчиво.

Мадлен покачала головой.

– Было, – отозвалась она. – Только я теперь ничего не готовлю. Кто в бакалею пойдет? Я устала.

– И мне нездоровится, – поделился Рональд. – Терпение-то осталось?

Мадлен, хотя этого не было видно, напряглась.

– Нам питаться нужно. Какое терпение?

– Какое... спасительное, вот какое. – После этих слов Рональд пробрался к серванту и начал там шуметь, выдвигая ящики. Звякнула склянка.

– Разобьешь, и будем мы вдвоем два куса доедать, – невесело сказала мать (поднос с пирогом она со стола не убирала). Отец тем временем поднес находку к окну, которое по-прежнему изливало на детскую кровать мерклый, болезненный свет.

– Оно, – заключил он. – Где стаканы?

– Я сама, – выхватила у него склянку удивительно тихо подоспевшая мать. – Уильяму поменьше, ему дадим пирога. Ребенок растет все-таки.

Уильям подумал, что, несмотря на забывчивость и равнодушие, быть взрослым, наверно, не так уж плохо – если им ничего не стоит отказаться от такой вкусной вещи даже в отсутствие гостей. Пока отец и мать делили между собой содержимое склянки (там, где это было возможно – на подоконнике), он с удовольствием вгрызлся в сухую бисквитную корку и смаковал подсахаренную лимонную массу. Когда родители вернулись за стол, мать покапала оставшимся терпением на другой ломтик.

– Теперь как раз помягче будет, – уже радостно заметила она.

– Угу, – ответил ей полный рот. Мадлен подвинулась к сыну; обняла одной рукой его за бок, другой выловила из густых волос полукруглое ухо, как половинку печенья, упавшую в кофе, и горячо прижалась к нему губами. Потом она взялась за стаканчик, то же самое сделал Рональд. Отец и мать быстро выпили свои порции терпения.

Уильям схватил повлажневший кусок пирога и отправил его в рот целиком, но поторопился и начал прямо по-взрослому, с досадой, кряхтеть над скатертью. Мадлен засмеялась и стала хлопать его по спине, все крепче и крепче, и так увлеченно, словно приняла порцию усердия. Наконец он был вынужден сплюнуть немного бисквита обратно на поднос, чтобы мама оставила в покое его спину, и потом она продолжила играть с ним – уж на это он, конечно, всегда был согласен. Игра называлась «Откушу кусочек ушка, ам! ам! потому что ты мой сладкий, ам! ам!». (Почему-то только об этом рассказывать по-настоящему неловко, но все-таки с самого начала решено, что не будет никаких врак.) Они оба ужасно любили такие развлечения: на время их становилось понятно все то, что нельзя или не хочется объяснить на словах, мама превращалась в его Лену, и заодно легко было простить друг другу любую обиду.

Рональду радость жены не передалась. Он пристально смотрел на мрачно-зеленую стену и молчал. Вырвался жутковатый вздох.

– Заработался ты, – посочувствовала Мадлен, повернув голову к нему. – Когда смена?

– Завтра – в шесть тридцать, – сквозь зубы ответил Рональд. – Но к обеду пустят, не волнуйся. Ох!

– Ложись, как раз хорошо успеешь выспаться, и боль уйдет.

– Ну уж нет! – возразил Рональд. – Я в уборную, – мучительно пояснил он и засобирался.

– Фонарик не забудь.

Утром включили электричество. Мадлен быстро удалилась, а Уильям, который проснулся от ее нежностей и следил за ней полуприкрытыми глазами, вздохнул и свесил ноги с кровати. Он догадывался, куда она ушла, и от негодования начал болтать ногами взад-вперед, ударился пяткой о тяжелый деревянный ящик под кроватью и огорчился еще больше. Отец не должен был вернуться до обеда, но вот мама могла прийти в любую минуту, и притрагиваться к игрушкам он не смел. «Я возьму их в другой раз», – так решил он и поразмыслил, стоит ли теперь самовольно удирать из дому. Потом он как-нибудь объяснится, но если мама пошла в Школу... Учитель мог и в самом деле запретить ему приходить в Парк, в его угрозах не было никакого обмана. Ничего иного, как ждать и надеяться, Уильяму не оставалось. Он начал разглядывать домашнюю обстановку, стараясь на что-нибудь отвлечься.

С короткой цепочки на потолке – в углу над книжными полками – свисали часы. Обыкновенные часы, то есть небольшой диск с цифрами за голубым стеклом. Часовая и минутная стрелки двигали крохотные голубые кораблики на своих наконечниках вокруг яркого зеленого острова в центре циферблата.

Часы были новые – прежние разбил отец в одно из февральских воскресений, запустив под потолок какой-то свой инструмент. Почему он так сделал, Уильям не понял – перед тем отец спокойно сидел за столом и, как всегда по воскресеньям, пил размышление, говорил дольше обычного об Америго и о каких-то новостях из газеты, вел довольно ленивый и в целом добродушный спор с матерью.

Часы иногда покачивались, если в апартамент кто-нибудь заходил уверенными шагами.

Часы показывали половину восьмого. Изнывая от ожидания, Уильям снова лег на кровать.

Тишина и неизвестность угнетали его; если бы сейчас явился гость, то своей мерзкой повадкой и важничаньем непременно возвратил бы мальчику все милые воспоминания. Но по воскресеньям властители не приходили, и теперь, как он ни старался, в голове крутились одни страхи.

Минуло около пятнадцати минут, и он, не вытерпев, вскочил. Поволок запасной стул в пустой угол, залез и глянул внутрь родительской полки.

Для взрослых пассажиров была создана отдельная серия книг. Волшебников и других чудесных существ в них, по правде сказать, не было. Были такие же люди, и они не исследовали лесов и пустынь и не бросали вызова злодеям. Вместо этого они решали разногласия между собой и доставляли друг другу всякие неприятности, после чего стремились к сплочению и благоразумию и в конце концов добивались и до высших Благ. Кроме того, действие иногда происходило не на самом острове, а все еще на Корабле, – так, наверное, равнодушному взрослому легче было представить себя на месте персонажа, – и тогда судьба принуждала героев пройти какое-либо испытание. Книг было довольно много, больше, чем на полке Уильяма, хотя родители почти никогда ими не занимались. Мальчик поводил пальцем над корешками, и ему одновременно захотелось кашлянуть и задержать дыхание. Вечером мама достанет все книги, повозится с ними – с каждой по очереди, – и там уже будет приятно пахнуть влажной бумагой.

Он еще поскреб ногтем один из переплетов, решив, что из этого может получиться любопытный звук, потом слез со стула. Он, конечно, пробовал читать эти книги – никто ему не запрещал. Но истории были сложны, скучны, чересчур длинны и к тому же совершенно ничем не запоминались.

Кораблик на минутной стрелке достиг вершины.

Уильям облокотился на подоконник и стал смотреть на вымощенные улицы и крыши, сияющие утренним румянцем. Отыскал глазами мамину благофактуру на 1-й Западной, потом открыл створку.

Нежный холодок окропил лицо. Уильям просунул голову и плечи наружу, уже без страха, и прислушался к улицам, свободным от людской суеты. Потянул воздух ноздрями и услышал мерный рокот соседней палубы Аглиция. Благофактуры вели нескончаемую работу, не затихали они и по воскресеньям, хотя, как ему казалось, шумели совсем не так назойливо, как обычно.

Что-то приглушенно застучало. Уильям решил, что это все благофактуры, и вылез еще дальше, оторвав одну ногу от кровати. Стукнуло вновь и вновь, и мальчику даже почудилось, что стучит где-то под другой ногой. Он мельком глянул на часы наверху и ужаснулся. Часы робко раскачивались на цепочке. Стучали в дверь, и стучали упрямо, с нетерпением топчась перед самым апартаментом.

Кто это мог быть? Господин? Рассыльный? У мамы ведь есть ключи!

«Меня здесь нет, я сплю», – ринулась мысль, и он захлопнул окно, затем живо спрыгнул на кровать.

Страхи завалились обратно под одеяло.

Стук смолк. Зазвучали голоса – мужской, неокрепший, и женский, виноватый. Жалобно лязгнул замок. Мадлен, продолжая рассыпаться в извинениях, отворила дверь. Мальчик накрылся с головой.

– ...Конечно, зайдите.

Она поставила на пол тяжелую корзину, издала сдержанный стон, стараясь не смутить рассыльного, и повернулась к его бумаге. Потом уже на столе очутились звенящие склянки. Уильям осторожно выглянул.

Получив бумагу с подписью, рассыльный пожелал хозяйке благого воскресенья и ушел. Мадлен глубоко вдохнула.

– Уильям! Я знаю, ты не спишь! – строго сказала она, загибая уголок цветистого одеяла. – Поднимайся, будешь помогать мне.

«Как это – помогать?» – в панике подумал Уильям и вынырнул сам.

– Мама, я ведь иду в Шко...

Она снисходительно смотрела на него и ждала, чтобы он договорил... но договаривать не имело смысла. Что толку идти против воли королевы! Видя, что ее любимцу и вправду приходится нелегко, она наклонилась и шепнула ему на ухо голосом Лены:

– Ну что киснешь? Неужели тебе сорванцы какие-то стали дороже меня? Быть этого не может. Сам говорил, что там скучно... хотя по тебе и не угадаешь. Опять весь в царапинах, живого места ни на руках, ни на ногах нет. Пора нам от них отдохнуть.

Затем он был удостоен монаршего поцелуя в нос, и мама, загоревшаяся, с азартом подхватила корзинку и – бум-бр-р-р! – ссыпала все сливы в мойку.

– Помой и перебери ягоду, а я пока переоденусь. И ты тоже оденься, – велела она и распахнула двери шкафа. Уильям нехотя встал и напялил зеленые штанишки, которые на ночь вешали на спинку одного из стульев возле кровати. Тут он вспомнил про другой стул, который остался в углу, и перетащил его от угла к мойке – от этого половицы брызжали. Вскрабкался на него, поджал ноги, сунулся в чашу и дернул за блестящий рычажок – показалась хилая струйка воды. Пока он трудился, мама как следует обтерлась, помочила из этой струйки лицо и шею,

заколола короткие волосы над ушами и накинула на себя мятую зеленую сорочку без рукавов, чем-то напоминающую тунику деревенского эльфа.

Вдвоем они нарезали плоды очень быстро, но варка все равно затягивалась: электрическая плита нагревалась долго, а это приходилось проделывать несколько раз. Джем варился в небольших мисках, из которых внушительную часть незаметно съедала сама Мадлен, проверяя его готовность и вкус. «Сахару много!» – восклицала она, и Уильям, если не был в ту секунду поглощен своими делами, подскакивал на месте.

– Я пришел, – раздался басовитый голос.

Мать стояла дугой над грибным супом, глядя неотрывно в кастрюлю, как в ревущую бездну, и не шелохнулась; отец отбросил зеленую куртку и лениво пошел к ней.

– Стряпней занимаетесь? – сказал он, заглядывая ей через плечо. – Ну-ну. А размышление взяла? – задал он вопрос мимоходом. (Эту склянку продавали в лавке провизора.)

– Пускай тебе жалованье вначале повысят, потом будешь размышления свои водить, – огрызнулась вдруг она.

– У меня скоро получка! – вознегодовал отец. – Могла бы и взять, большое какое дело! Воскресенье, у всех радость, а я должен о костюмах парадных думать?

– Одна у тебя радость, бездельник, – сказала на это мать.

Она схватила склянку, которая возникла под рукой как по волшебству, и взялась за пробку. Пробка не поддавалась. Пальцы, намазанные маслом для супа, упрямо соскальзывали. Она скрипнула зубами.

– Ты с утра забыла принять? Как же? – уже несколько смущенно спросил Рональд. Мадлен ему не ответила, и тогда он отнял у нее склянку.

– В этом ты силен, ничего не скажешь, – заметила она.

Рональд промолчал, откупорил сосудик и вернул ей ее благоразумие. Она глотнула прямо из горлышка и после этого стала накрывать на стол. Пирог уже давно стоял на подоконнике, не портя никому аппетит.

С обедом справились скоро, и Рональд блаженно прикрыл глаза.

– Говорят, на отмени живут безмозглые маленькие создания, пригодные в пищу, и мы сможем ловить их себе сколько угодно! – мечтательно пробормотал он. – Как же все-таки недостает размышления, а, Мадлен?

– Тебе вечно недостает, – проворчала жена. – Лучше бы о ребенке думал. Вот переймет он твои склонности, и будете вместе празднословить и стамесками швыряться. А питаться одними размышлениями.

– То была кельма, – ласково поправил ее муж. – И не ворчи так. Ты же приняла...

– Приняла, – кивнула Мадлен. – А то бы задала тебе, бездельник, жару.

– Не ворчи, – повторил Рональд. – Давайте лучше пирог пробовать.

Мадлен, укоризненно на него покосившись, – чтобы не высокомерничал, – сгребла тарелки и отложила их в мойку.

Пирог оказался неопишимо вкусным, как и всегда, – но Уильяму было не до него. Какое ему могло быть удовольствие, когда неизбежность, лживо улыбаясь, заглядывала ему в рот и спрашивала вместо мамы – нравится ли ему пирог, и сдавливала его внутренности, зажигая между делом вывеску с ножницами? Ножницы злорадно щелкали и не спеша, как сытый паук, спускались с вывески к его голове, чтобы отхватить ее последним щелчком.

Трудно сказать, отчего Уильям так не любил стричься – вероятно, хотел быть похожим на героя с красивой книжной иллюстрацией? Но он и в зеркале-то видел себя редко, и не всего целиком (зеркало хранилось в сумочке у мамы, совсем небольшое – в нем она рассматривала что-то на своем лице)... Когда отец наказывал его, запрещая заниматься интересными делами

или что-нибудь отбирая, наказание оставалось в силе недолгое, почти незначительное время. Уильям знал, что скоро получит все назад, и ждать было куда легче. Но волосы отрастали целую вечность! Он как-то пожаловался на это матери, та рассмеялась и сказала, что вечными могут быть только радость на острове или муки в синем Океане! Напрасно он пытался объяснить. «Ну и зачем тебе такая метелка? – шептала ему Лена. – А стриженному тебе мы купим голубую коробочку. Хочешь голубую коробочку? Ту самую». Уильям отвечал, что будет готов на такую жертву разве только ради волшебника Криониса. Мама не соглашалась купить фигурку якобы из-за ее дороговизны. Но ведь в сувенирном магазине «Фон Айнст» голубовато-белая фигурка из удивительного светящегося материала продавалась по цене всего-то четырех коробочек фаджа! Уильям едва не каждый день пересчитывал. Стрижек случилось уже куда больше четырех, но мальчик по-прежнему оставался ни с чем – мама умела находить себе оправдание, пусть оно порой выглядело точь-в-точь как угрозы отца.

– Чего ты все со своими капризами, а? – упрекнула его Мадлен, еще будучи не в лучшем расположении духа. Странное дело – хотя родители не знали, что такое вечность на Корабле, они не могли жить без вечного недовольства в апартаменте. Обычно сердился герр Левский – к этому все привыкли, но когда отец был доволен, что-нибудь непременно досаждало матери.

– И Господ тут нет, никто тебя не тяпнет за руку! Бери-бери! – нервно продолжала она. Уильям втиснул в себя кусочек, только бы она не смотрела на него так пристально. Что же все-таки произошло с ней после того разговора с учителем? Он не понимал. – И помнишь, куда мы должны сходить? Доешь – и надевай пиджачок, вон он лежит на кровати. У фрау Барбойц короткий день, не успеем, придется в наш салон идти. Сделают из тебя щетку, которой у отца на службе пыль из трещин метут. Так, Рональд?

Отец безразлично сопел, откинувшись на спинку стула.

– И ты собирайся, – приказала ему мать. – Так или не так?

– Конечно, – очнулся герр Левский. – Верно. Разумеется. Надо стричься.

Мальчик молчал и думал о Парке Америго.

Салон фрау Барбойц обслуживал по большей части собственников и Господ, потому был занят по-настоящему только на протяжении будних дней. В воскресенье, когда почтенные пассажиры отправлялись благопристойно отдыхать – к борту, в Кораблеатр или в богатый дом на званый обед, – салон принимал такие семьи, как Левские, которые в течение двух-трех месяцев откладывали на лучший, самый благополучный уход за волосами. Вообще-то рабочее население Корабля не слишком интересовали прически – то есть не так, как питание, размышление, одежда, украшения или сувениры. Но как бы там ни было, Мадлен больше всего прочего думала о приемном сыне и готова была отказывать себе в чем угодно, чтобы он не только был сыт и одет, но хоть когда-нибудь выглядел достойным высших Благ и вечной радости.

Высокий красный потолок салона был украшен замечательными люстрами – белые фигуры творцов подпирали его мощными руками; ноги у каждой фигуры оканчивались матово-голубым плафоном, а к тому был прикреплен голубой обруч с подвесками из прозрачно-голубого хрустального стекла. Свет люстр отражался в красном мраморном полу, как в зеркальной глади воды, отчего салон казался значительно более просторным. Вдоль красной стены слева стояли в ряд обыкновенные зеркала – изящные полированные трюмо красного дерева – и одноногие красные кресла.

Фрау Барбойц, круглая немолодая женщина в красном халате, сидела возле трех других дам – собственниц и Госпожи – на длинном красном диванчике у противоположной стены. Волосы у этих дам спускались на плечи золотыми спиралями, и от них разлило дорогим лосьоном. Поодаль, на особом кресле, устроился неопределенного возраста Господин – с большим металлическим колпаком вместо головы, видно было только бритый подбородок и

равнодушно сжатые губы. В зеркальном полу подрагивали подошвы его дорогих туфель с блестящими голубыми пряжками.

При виде Уильяма и его родителей круглая парикмахерша мигом освободилась от общества завитых посетительниц и услужливо повернула одно из кресел.

– Вот и вы, мой угрюмый завсегдатай! – любезно поприветствовала она мальчика. Завитые женщины, словно по команде, устались на него, оценивающе склонив головы. Мужчина в колпаке небрежно сложил руки, покачал, закинув ногу на ногу, остроносой туфлей.

– Осторожнее, тут ступенька, вы помните? – добавила внимательная фрау Барбойц, когда Рональд уже занес ногу. Жена машинально его придержала.

– А ваши служительницы где же? – спросила она, забирая у сына пиджак.

– Как видите, посещаемость у нас все утро невысокая! – объяснила со смешком фрау Барбойц. – Я их отправила по домам. Мы тоже, как закончу с вами, пойдем в Кораблеатр. Пристойный отдых никому еще не мешал, видят Создатели!

– Верно, – кивнула Мадлен и присела на край диванчика. Три женщины доброжелательно глянули на нее.

– Сегодня же дают новое представление. Премьера! Это почти что Праздник! Кстати, насчет будущих праздников. Белинда собралась замуж, вы только подумайте!

– Ей давно пора, – подала голос одна из женщин, и ее золотые спирали задрожали в согласии. – Я все удивлялась, как возможно такое – тридцать пять лет, и все на одной высокой мысли! Без мужа, без детей...

– Без детей теперь во всяком случае, – подхватила другая.

– Верно, верно, – воодушевленно повторила фрау Левская, и тут они впятером пустились в такое живое обсуждение этого обыденного, казалось (хотя и запоздалого), решения, что Уильям и Рональд постарались углубиться каждый в свои мысли.

Хозяйка салона, увы, отвлеклась не надолго.

– Уильям, что же вы стоите? Вот ваше кресло и чудное зеркало, полюбуйте пока на себя, неухоженного растрепу, и запомните, каким вы были раньше! А я приготовлю ножницы.

– Вот, я ему говорила, фрау Барбойц, растрепу! – умилилась мать.

Мальчик посмотрел на это красное кресло, затем на бубнящие завитки. Диванчик с женщинами находился чересчур к нему близко. Только в дальнем кресле, напротив которого молча сидел мужчина в колпаке, можно было бы кое-как отстраниться от взглядов присутствующих.

– Не хочу садиться здесь! – заявил он, набравшись храбрости. Женщины покачали головами, теперь неслаженно. Мать даже вскочила на ноги, но парикмахерша так громко и добродушно рассмеялась, что Мадлен не стала ничего говорить и опустила на место.

– Желание моего посетителя для меня – тот же закон, что и желание Господина! – воскликнула хозяйка и нагнула голову к опешившему мальчику. – Где бы вам хотелось стричься, юный герр Левский?

– Вон, – робко махнул тот, почему-то в сторону колпака. Мужчина, словно почувствовав это, качнул туфлей и даже нервно сглотнул.

– Вы, вероятно, имеете в виду кресло напротив господина Финке? – догадалась фрау Барбойц. – Ну пойдете! Что же, вы хорошенько запомнили свою внешность? Я вас не буду очень задерживать, вы же не Госпожа в годах. С вами не придется возиться, правда же, Уильям?

– Можете хоть до завтрашнего утра его ошипывать, главное, чтобы человек наружу вышел, – донесся голос со стороны кресла, только что отвергнутого Уильямом. Отец уже понемногу становился прежним; фрау Барбойц улыбнулась, однако, и ему.

– Вам, герр Левский – старший, тоже сделалось необходимым постричься?

– Ну уж нет, – ответил Рональд, проводя рукой по затылку. – Я своему дому не враг. Бесцельных трат у нас хватает.

Мадлен бросала гневные взгляды то вправо, то влево, не зная, кого из домашних следует пристыдить в первую очередь.

– Что ж, мне, вероятно, даже повезло, – пошутила парикмахерша, выдвигая ящички изящного трюмо. – Волосы у вас жесткие, трудные, и соорудить из них толковую укладку, кажется, непросто. Это у вас от рождения или в «Тримменплац» предлагают новые услуги, каких нет у меня? Поделитесь!

Рональд фыркнул и забросил ногу на ногу. «Наверно, на него теперь тоже наденут эту пробку», – отчего-то подумал Уильям.

– И не судите уж так о тратах, были бы они вашими или нет, – добавила она, с предвкушением клацнув ножницами (несчастный мальчик затрепетал от этого в кресле). – Неужели вам безразличен ваш внешний вид? Неужели вы не хотите выглядеть благополучно?

– Не имею еще таких благ, чтоб волосы завивать кренделями, – парировал Рональд. Женщины возмущенно переглянулись. – Что до моей внешности, то мне и одного указчика хватило. Пускай сперва издадут закон и выпишут бумагу, а после делают со мной и моими доходами, что им вздумается.

– Да ты сам подрываешь их этим... размышлением, – вмешалась Мадлен. Между мужем и женой завязалась наконец перебранка – с упоминанием не к месту и не ко времени и Создателей, и неба, и земли, и всех чудовищных глубин Океана. В тот же момент на плечи Уильяма опустилась огромная, резко отдающая не то стиральным средством, не то каким-то особым парфюмом, накидка. Он увидел в отражении яркий рисунок острова: покосившиеся деревья, смятые в складках кусты и внушительно вздымающаяся у берега волна. Фрау Барбойц немедля укротила мятежные воды ребром ладони и повернулась к спорщикам.

– Не обижайтесь, но, по моему мнению, употреблять размышление – значит проявлять праздномыслие, – сказала она с достоинством, обращаясь к Рональду. – Разве Цель недостаточно привлекает вас? Разве великолепие Америго не трогает ваше сердце всякий раз, когда его наполняет праздная злоба?

– Мое сердце уже съедено, фрау Барбойц, – по-простому объяснил тот. – Обстоятельства меня скоро доконают. А Цель... что с нее взять? Я только размышлять о ней могу, обсудить – с женой только, сын еще мал... И вы меня отговариваете от этого. Пока я здесь, я – рабочий и нуждаюсь в предписанном отдыхе, а если его нет, мне и радости для сердца не видно.

– Вы, герр Левский, и без того на редкость умный человек. Но вас и впрямь снедает праздность, хотя и не так опасно, как ей позволяют некоторые. Вам лишь следует образумить свой ум, и все у вас и вашей семьи будет замечательно!

– Да, Рональд у меня способный умом, – тут же подтвердила фрау Левская, – куда бы еще тот ум деть и куда от него деться.

Рональд просто схватился за свои трудные жесткие волосы и больше ничего не говорил. Женщины в золотых спиралях продолжали переглядываться, обмениваясь ухмылками. Фрау Барбойц между тем натянула на руки тугие красные перчатки (они коварно щелкнули на ее запястьях) и не спеша приступила к делу. Посыпался обрезок челки, потом крупные клочки волос начали скатываться с макушки, свисать со лба, оседать на носу. Уильям зажмурил глаза.

– И с боков ему уберите, покороче! – громко забеспокоилась мать. – С боков!

– Пожалуй, пожалуй, – кивнула сама себе парикмахерша и взялась за виски, с необычайной для ее сложения ловкостью суетясь с ножницами, гребнем и щеточкой вокруг мальчика.

Уильям открыл глаза. Он видел в зеркале, как постепенно оголяются его щеки, и понимал, что вот уже скоро лицо опять превратится в уродливый, одутловатый треугольник, и мерзко, совсем не по-маминому, вытянется над повязанной накидкой шея, и в самом лучшем случае он будет смахивать на злого дракона!.. Все расплывалось в слезах, и он заморгал так часто, как мог, и подцепил, наверное, ресницей волос, потому что в одном глазу вдруг стало

жутко чесаться. Он снова зажмурился, высунул руку из-под накидки, неосторожно провел пальцем и наткнулся на лезвие ножниц.

– Юноша! – впервые по-настоящему возмутилась фрау Барбойц. – Как же вы так! Я вам пальчик отхвачу и заметить не успею!

– Мама, я хочу в Парк... Мама, отпусти меня в Парк!.. – отчаянно прошептал Уильям, продолжая тереть веко.

– Чего это вы, юноша, шепчете? – жеманно осведомилась фрау Барбойц. – Ну же, не щиплите ваш глазик! Что у вас там?

Уильям дал выкатиться нескольким слезным каплям.

– Ну а это что за нелепость? – удивилась парикмахерша, теперь тоже шепотом. – Налипнут вам волосы на щечки, будет неприятно. Прекратите сейчас же.

– Мама, пусти меня в Па-арк! – во весь голос заревел Уильям, яростно натирая кулачком то один, то другой глаз. – Мама, пожалуйста!

Мадлен выглядела сконфуженной; она вновь не знала, к кому обратиться виноватыми глазами – к женщинам ли, которые все посмеивались между собой, к мужу, беспокоить которого было совсем неуместно... А Уильям плакал и звал ее, и вот она опять с тяжестью внутри думала о том, как трудно воспитывать в людях, больших и маленьких, настоящее благоразумие и терпение.

Уильям вырвался из объятий красного кресла, едва не расцарапав затылок о ножницы, недоуменно замершие в воздухе, и вместе с накидкой ринулся к выходу. Фрау Левская ахнула три раза подряд, женщины на красном диванчике засмеялись звонче, почти уже хохотали, злодейки; и даже равнодушные губы под колпаком вынуждены были сложиться в улыбку. Рональд поднял голову. «Ступенька, юноша, ступенька!» – воскликнула за спиной хозяйка салона, но поздно. Уильям растянулся у порога и завопил еще громче: он серьезно ушиб колено. Тут женщины на диванчике недовольно сморщили лица, но у него не хватило сил долго вопить, и он просто тихонько захныкал, теперь на руках у обомлевшей приемной матери, не могущей проронить ни слова – от ужаса и стыда. Женщины, напротив, поспешно возобновили свою беседу.

– Я ведь не рассказывала вам, как обратилась к миссис Саттл из Англии? – сказала с негодованием Госпожа. – По вашему совету! И как она обошлась с моими чудесными локонами? Безобразие, ни ума, ни таланта – о чем только люди говорят?

– Подойдите к ее служителю Роннингему, – предложила ей одна из собственниц. – Вот чьи усилия и талант ценятся! И не смотрите, что он сам безволосый, это у него от папочки, они все в роду плешивые!

III

Так оно и вышло, что первые три майских дня Уильям провел дома. Колено отвратительно вспухло и постоянно ныло, и он не только не мог ходить, но даже сгибать эту ногу – так ему было больно. Доктор в зеленом костюме, которого сумел раздобыть вечером злосчастного воскресенья Рональд Левский, бегло осмотрел колено и заявил, что ребенку необходимо оставаться пока в постели и в течение этих дней втирать кое-какие мази для смягчения боли. Отец был очень рассержен: за эти средства требовалось уплатить провизору почти две сотни кораблеонов (не считая цены бумаги, выписанной доктором). Мадлен об этом не думала. Она суежилась у детской кровати, сокрушаясь, боясь прикоснуться к сыну, ища, чем помочь ему. Наконец она выбрала книгу со взрослой полки; придвинув стул к изголовью, устроилась прямо на полу и положила руку на зеленое сиденье, а книгу поверх руки, чтобы читать Уильяму вслух. Получалось очень похоже на ее утомительные разговоры с подругами – голос у нее был ясный и богатый разными оттенками, но таланта не было. Когда-то раньше Уильям не замечал этого, но теперь, несмотря на боль, постарался скорее заснуть, и ему это, как ни странно, удалось.

Просыпался он два дня подряд поздно и уже в полном одиночестве. Через силу проглатывал содержимое стаканчиков, приготовленных возле изголовья, и начинал ждать. Он уже так не горевал из-за парикмахерской и стихающего нытья в колене – терпение разбавляло горечь, нагоняло приятную сонливость; чтобы опять не заснуть, он подолгу шевелил пальцами рук и ног – от этого все тело покрывалось легкими хвойными иголочками. Благоразумие его успокаивало.

И что-то было с этим спокойствием не так.

Конечно, боль оправдывала неподвижное лежание на кровати, но все равно ему было мучительно скучно. И он понимал, что скучал не он один. Где-то в лесной глуши надрывался знакомый девчачий голосок, и Уильям очень не хотел подводить его, но... Сейчас было еще хуже, чем тогда, на промокшей земле Парка Америго; сейчас он не мог даже слезть со своей кровати, и даже лишний раз сесть, чтобы глянуть в окно, у него не было сил – не давали терпение и благоразумие.

«Я расскажу ей все-все, и она, конечно, поймет и не обидится».

Но и такие мысли приносили с собой одну тревогу. Он ведь не сдержал обещания, и все по собственной глупости! Не мог же он всерьез думать, что поведение родителей изменится, когда он поступит так? Нет, не мог! А Элли он обманул; вдруг она уже не захочет с ним говорить, не покажется в Лесу, не спасет его от учителя? Снова пойдет холодный дождь, и никто не станет ему кричать, ни за что не позовет к себе в чудесные дебри!.. Тогда Уильям приходил к выводу, что остался один-одинешенек – навсегда. (Вероятно, и вы переживаете подобное одиночество, когда расстаетесь с чрезмерно захватывающей книгой – то есть когда мир за пределами ее оказывается вдруг надуманным, пресным, навязанным чьими-то глупыми, недалекими измышлениями...)

Вечером к нему все же возвращались оба родителя. Отец клал портфель на стол, вынимал из холодильника кастрюлю и молча ставил ее на плиту. Затем он садился за стол, разворачивал газету и на весь вечер скрывался за ней, внимательно изучая каждую страницу. Изредка он поглядывал на приемного сына, отчужденно, словно это стало для него неприятной обязанностью. А Уильям радовался тому, что отец рядом – значит, есть и Элли в своем Лесу! И мама приходила – она забыла на время про цветочницу и других подруг, и это было очень лестно для Уильяма. К тому же он получал наконец свою долю восхитительного пирога и сладкой, почти сказочной ласки. Мадлен, стоя на коленях, смотрела, как он уписывает ее бисквит – в понедельник клубничный, во вторник апельсиновый, в среду грушевый; потом долго целовала джемовые губы и пальцы, и еще, на всякий случай, – шею и плечи.

Наконец она чуяла, как у нее самой гудят колени, и поднималась, чтобы надеть домашнее: сорочку подлиннее или камисоль – то есть сорочку покороче, на тонких ляпочках – с мешковатыми шортами из той же ткани. Потянувшись так, что руки до потолка доставали, она возвращалась к сыну, но уже не на пол, а на кровать – ложилась боком на самый ее край и чуть подгибала ноги, чтобы уместиться. Теперь она смотрела на Уильяма просто так, влюбленными глазами. Только в понедельник она вложила свою руку в его и переплелись пальцы, но при этом был слишком велик соблазн поиграть в игру – когда большие пальцы состязаются в том, кто кого первый прижмет к соседям; а поскольку в этой игре всегда есть простор для жульничества, она продолжалась ровно до того, как участники начали совсем нагло передергивать руки и Лена совсем не по-королевски плюхнулась вниз со своего ненадежного края.

В благодарность за все Уильям позволял ей прочесть еще несколько нудных глав взрослой книги и прислушивался к ее неуверенному чтению. Он теперь думал, что эти книги все же очень подходят для таких дней, когда что-нибудь принуждает лежать в постели и задаваться всякими тревожными мыслями, и быстро засыпал, благо бормотание матери тому способствовало.

Утром среды Уильям проснулся гораздо раньше – и спросонья подвинул ногу, и ему показалось, что она уже совсем не болит. Он тут же сообщил об этом матери, которая уже натягивала колготки, согнувшись пополам на диванчике. Он думал, что она решится отпустить его в Школу, но Мадлен считала, что нельзя относиться легкомысленно к лечебному режиму. У нее не было времени объяснять это Уильяму; она поцеловала ту коленку, в которой была уверена, и так и оставила его сидеть в четырех зеленых стенах. В этот день он все же не скучал и не тревожился – боль ведь и вправду почти прошла! Он точно смог забраться на подоконник и открыть окно. Смог заползти под кровать и основательно перебрать все свое имущество. Тогда же он обнаружил, что одна из досок прямо под изголовьем немного прогибается под рукой, но не придумал этому значения. Его куда больше интересовали игрушки и, конечно, книги на полке – продолжилось путешествие бесстрашного юного Криониса, по которому мальчик успел сильно соскучиться.

На следующее утро, когда опухоль спала окончательно, Уильям сам разбудил родителей. Он делал это своеобразно: прыгал на месте и скакал вокруг стола, намереваясь показать им, что сегодня держать его дома уж точно не понадобится. Первым очнулся отец и проворчал что-то испуганным голосом; очевидно, топот по доскам вызвал дурной сон. Мать села на кровати, глянула сначала неодобрительно на Уильяма, затем повернулась к Рональду и поморщилась.

– Надо мою бритву попробовать, – сказала она, рывком выскочила из постели и стала искать в комодке зубные щетки и купальные полотенца.

В восемь тридцать проводили местного господина Шмельцера, улыбчивого толстяка, который не уставал хвалить Мадлен за ее пироги; он явно гордился тем, что такая хозяйка живет на его палубе. И Рональд, как обычно смурной и несобранный, наконец оделся и покинул апартамент. Уильям тоже готов уже был идти, но мать, взглянув на него, решила задержаться. Фрау Барбойц, как вы помните, не успела закончить свой труд – хотя она много сняла спереди и сзади, по бокам еще свисали довольно длинные и густые пряди темных волос, из-за чего Уильям стал очень похож на девчонку. Тут Мадлен вспомнила мимолетно о какой-то своей давней, несбыточной мечте... но потом, не сводя с него глаз, подумала, что жалеть ей ни о чем не приходится.

Недолго думая она села с ним рядом на его кровать, вынула из своей гранитовой сумки гребень и зачесала все то, что осталось лишнего, назад, – так что уши выпятились наружу.

– Можно мне посмотреть в твое зеркало? – осторожно спросил Уильям, пока она убирала гребень.

– Ты не веришь своей Лене? – рассмеялась мама и вдруг швырнула сумку на пол и прижала его к себе. – Ты теперь – самый красивый мальчик на палубе, не сомневайся! Ты, по моему, выглядишь даже лучше, чем эти крашенные фигуры – ты знаешь, какие, – шепотом прибавила она. – Прости меня, любимый мой... Должно быть, мне и впрямь стоило отвести тебя в этот Парк, а уж с волосами мы как-нибудь потом бы разобрались... И насчет твоих игр я глупость сказала. Ты мне веришь, я вижу, а я иногда такие вещи говорю, если злая и нервная... На тебя я никогда не злюсь, не подумай. Хочешь, я сама буду играть с тобой, как раньше? Только не убегай от меня на всю ночь неизвестно куда... И слушай учителя. Он добрый человек, хоть и странный.

Она закусила губу и проглотила слезы. Уильям этого видеть не мог, но он чувствовал – и ни в чем ее не винил. Так они просидели несколько минут; его Лена больше ничего не говорила.

– Мама, я же опоздаю, – наконец напомнил ей Уильям.

Учитель тепло встретил Уильяма. Хотя многие дети посмеивались над ним, толкуя между собой о чем-то неприятном для него, Уильям не обращал на них внимания. Аудитория была солнечной, просторной, яркой – и этот свет, и радость, и надежда проникали куда-то внутрь, и все превращалось в большое облегчение; он все время ерзал на скамье, потому что не мог дожидаться, когда учитель завершит свою речь и позволит ученикам покинуть белые стены. Когда же они в конце концов сошли на берег Парка, – в последний раз на этот выход, – учитель поставил свой мешок с продовольствием у крупной глыбы и подозвал мальчика к себе.

– Твоя мать рассказала мне о твоём несчастье, – почти добродушно вымолвил он, по привычке взмахивая рукой. – Создатели услышали меня. Ты понес наказание и теперь, как мне думается, желаешь вступить на верный путь. Я не стану удерживать тебя – иди же и наслаждайся тем, что даровано тебе и твоим друзьям Создателями, но помни о нашей общей Цели и не поддайся праздному искушению вновь!

Сочтя свою задачу выполненной, учитель направился к другому концу берега, на ходу разворачивая большой кусок холста для плодов. Уильям решил не ходить за ним и сразу двинулся в Лес.

Пока он пробирался сквозь колючий кустарник и пролезал в узкие щели между стволами, надежда гасла. Небо по-прежнему было безоблачным и ярким, берег давно пропал за спиной вместе со всеми, кто мог обидеть Уильяма, – но мальчик дрожал от страха. «Вернется ли Элли?» – думал он. А если вернется, то не отвергнет ли она его – из-за его обмана? А может быть, она все-таки и не была настоящей, может быть, тогда он только вообразил ее себе сам, от крайнего отчаяния, а теперь, когда ему хорошо и сытно, здесь искать нечего и надо пойти обратно на берег, подружиться с другими детьми?

Но вот он завидел тот самый широкий дуб, от которого нужно было идти налево... или все же направо? Подойдя к старому дереву, он так и остановился в недоумении. Налево... или направо? Только тут Уильям понял, в чем его злодейство – он ведь пренебрег тем, что говорила Элли. Он не сдержал обещания, но за это вполне можно было оправдаться, если бы он знал, как ее найти! «Если она и есть, то она не будет ждать меня здесь...» Уильям притронулся к дубу, словно надеясь на его подсказку, но тот безмолвствовал и лишь сбросил на него несколько острых сухих листьев. Наверно, если бы дерево могло говорить, оно бы так же осыпало его упреками. «Элли понимала того зверька, похожего на метлу... Интересно, понимает ли она деревья?»

И тут она выскочила из-за необъятного ствола, очевидно с намерением его напугать, но он вовсе не испугался; конечно, он не ждал ее, просто первым, что он увидел, были ее большие глаза, – и они были зеленые! Волшебный утренний свет пролился по ее личику и раскрыл их, и теперь ни о чем другом, ни о каких опасностях и внезапностях мальчик думать не мог, он думал: «Зеленые! Нет, изумрудные!» В одной книге рассказывалось об удивительном ост-

ровном городе, который был словно бы весь сделан из изумрудов. И стены его, и башни, и мостовые, и фонтаны, и дворец, и даже самые обыкновенные домики были украшены великолепными изумрудами. Уильяму особенно запомнилась иллюстрация, где сияли башни города, усыпанные полупрозрачными зелеными камнями, и над домами стояло зеленое зарево. Так он узнал, какой цвет у изумруда, а коль скоро Элли заслуживала называться принцессой, то и глаза у нее должны были быть не просто зелеными...

– Тебя ни с кем не спутаешь, – заявила Элли, слегка огорченная тем, что ее замысел не удался. – Что это с твоей головой? – удивленно добавила она и озорно прошлась обеими руками по его вискам.

Уильям смутился и попробовал вернуть все на место, но она схватила его за запястье.

– Не видела ничего подобного! – воскликнула она в восторге. – Это здорово! Ты сам сделал так?

– Нет, – грустно ответил Уильям.

– Врун! – возразила Элли.

– Слушай, Элли, – начал он. – Учитель назвал ирисы Благами, которые даны Создателями, и сказал, что я не могу забрать их домой, потому что... они должны быть в Парке, то есть в Лесу. Скажи, ведь ты, наверно, тоже дана Создателями? Я не могу забрать тебя отсюда?

– Что это вообще за создатели? – скучающим голосом спросила Элли.

– Ты не знаешь, кто такие Создатели? Они же создали Корабль! Они – творцы!

– А я всегда думала, что это деревья, – ответила она, пожав плечами.

– Какие деревья?

– Все деревья, – она махнула рукой.

– Что это значит? – переспросил сбитый с толку Уильям.

– Ничего, – откликнулась Элли. – Это все – мои выдумки. И они тоже любят все выдумывать. И они думают, что если они умеют выдумывать, то никто-никто больше не умеет. А я умею. И ты умеешь. Ты же врун – забыл?

– Я не понимаю, – проворчал Уильям. – Учитель сказал, что цветы Парка – это Блага, которые Создатели...

– Но они же совсем ничего не знают об этих цветах! – воскликнула Элли. – И обо мне никто из них не знает, я говорила! Я же следила за ними только издали. Они меня точно не видели. Откуда им знать, что я – бла... Я не благо! Я – Элли!

– Я тоже тебя не видел, – заметил Уильям. – Но ты сама позвала меня по имени.

– Если бы я тебя не звала, ты бы тоже меня не нашел, – хихикнула Элли.

Она остановилась у просвета между стволами, ведущего к их поляне, и странно поглядела на Уильяма.

– Ты можешь навещать нас здесь, – сказала она, – разве этого мало?

С этими словами девочка потупила свои изумрудные глаза.

– Знаешь что! – заявил хитрый Уильям. – Я ничего не расскажу учителю! И никому не расскажу!

Тут же она схватила его за плечи.

– Обещай мне, – твердо сказала она.

– Конечно, – с радостью ответил Уильям. – И про тебя тоже нельзя? Мне кажется, они о тебе все-таки знают, но не говорят.

– Глупый! Нет! И не рассказывай!

– А почему нет? Они будут завидовать?

– Они... – завелась было Элли, но потом неожиданно легко отступила. – Да, да, верно. Будут завидовать. Не говори.

– Ну и не буду, – весело помотал головой мальчик.

Они долго сидели, раскинув ноги, прямо на пригорке. Откуда-то набежали вверх маленькие пухлые облака, и Элли с упоением разглядывала их, не говоря ни слова. Уильям возбужденно посапывал и вертел головой – ему после трех дней неподвижности не терпелось встать и так же побегать вокруг.

– Почему мы не уходим дальше? – спросил он.

– Я никуда не хочу идти, – ответила Элли, чеша лопатки.

– Ты, наверно, все-таки обиделась?

– Нет, почему ты так решил? – удивилась девочка. – Мне просто хочется побыть немного здесь.

И она прикрыла глаза и заулыбалась солнцу.

– Я ведь не могу забрать тебя? – повторил Уильям.

– Зачем? – спросила Элли, не открывая глаз.

– Чтобы показать палубу, – задумчиво ответил мальчик. – Там немного скучно, это верно, но там есть фонари, и витрины, и крыши, и столько блестящих окон! И цветы там тоже есть – ненастоящие, но тебе понравятся, я уверен!

– Они нас сцапают, – сказала Элли. – И все узнают. Лучше нам остаться в твоём Лесу. Пойдем!

Уильям опомниться не успел, как она уже стояла на ногах.

– Я кое-кого нашла, пока тебя не было, – гордо сказала она на ходу. – Помнишь, я говорила про того барсука? С полоской на лбу?

Мальчик насутился и промолчал. Он и так был зол на себя, а тут еще выяснилось, что он не запомнил даже того, что было ему интересно! В ту же минуту он пообещал себе не упускать того, что говорит принцесса, и никогда не обижать ее своими глупыми выходками.

Элли все это уже ничуть не волновало, и она начала свой рассказ по новой. Она вела Уильяма за собой все глубже и глубже в Лес, и трудно было понять, как далеко они зашли – им часто приходилось сворачивать и петлять, огибая те препятствия, через которые не могла перебраться даже ловкая лесная девочка.

К полудню они вышли на тенистую лужайку, захваченную неровным красно-розовым кустарником. До этого Элли почти бежала, но тут постепенно замедлила ход и перешла на шаг, а на середине лужайки начала красться на цыпочках, хотя в этом не было особенной нужды – босоногая, она и так ступала совсем неслышно, и ее нельзя было обнаружить уже в десяти-пятнадцати шагах.

Вблизи стало видно, что колючие ветви кустов увешаны маленькими желтыми цветками. Мальчик невольно протянул руку в их сторону, но Элли сразу по ней шлепнула.

– Мы не должны шуметь, – многозначительно шепнула она, всматриваясь куда-то под нижние ветви.

– Это почему? – спросил Уильям и встретил такой свирепый взгляд изумрудных глаз, что растерялся и прикусил язык (хотя Элли, даже когда была сердита, казалась очень милой). Мотнув головой, она стала осторожно прокрадываться мимо кустов; Уильям – за ней. Вдруг она тихонько хрюкнула, – Уильям не решился спросить зачем, – и где-то впереди дрогнули ветки. Элли присела на корточки, Уильям тоже пригнулся на всякий случай. Из-за крупной кисти желтых цветков выглянул круглый серый зверек с крошечными огрызками ушей на макушке и недоверчивыми черными глазками на белой морде. И у него правда была лишняя черная полоса – гордо тянулась от носа до зашейка. Он с сомнением уставился на Элли (а она на него), потом встал на задние лапы и красноречиво повел носом. Взревел так, будто был в сто крат большего размера, и удивительно резво потопал к деревьям.

– За ним, скорее! – завопила Элли и ринулась за барсуком со всей мочи. Уильям стремглав понесся вдогонку. Барсук шевелил лапами столь проворно, что на виду только шелестел подлесок.

– Не знала, что он такой быстрый! Он быстрее всех! – ликовала девочка.

Она подсакивала ко всем лопухам, папоротникам и пенькам, заглядывала в тамошние укрытия и снова пускалась бежать. Подбегала к какому-нибудь дереву, пряталась за ним и выжидала, надеясь, что зверек поддастся на ее уловки. А тот бойко улепетывал от преследователей, описывая хитроумные петли и пропадая в высокой траве и в кустах. Но вот наконец он вывалился на почти голую землю, едва присыпанную листвой и сухими ветками.

– Стой! – сказала Элли и так резко замерла, что Уильям едва на нее не налетел. – Мы будем выслеживать его! – добавила она взволнованным шепотом.

Барсук уже, казалось, забыл об их присутствии. Он еще разок принохался, но теперь не испугался и спокойно пошуршал по своим делам. Девочка не сводила с него глаз. Она мгновенно перебежала от одного дерева к другому, стараясь не наступать на ломкие ветки. В этих местах росла только ольха, но худенькая Элли скрывалась за узкими стволами без труда. Она отпихивала Уильяма, чтобы тот искал себе укрытие сам, затем выскакивала из-за деревьев и снова кралась по прохладной земле.

Скоро выслеживать стало гораздо труднее. Появились сыпучие бугры, проваливающиеся в овраги, и длинные извилистые ложбины, затерянные в колкой желтой поросли, и большие груды заостренных камней заполнили всю округу. Барсук невозмутимо прокладывал себе дорогу вперед; мальчик и девочка шли за ним след в след, хватаясь за верхушки камней и упругие ветви молодых деревьев. Когда они скатились с очередного бугра, барсук исчез внизу встречного оврага – в темной дыре, уходящей под землю. Элли опять остановилась.

– Вот и все, – весело сказала она.

Потом вдруг выкрикнула:

– Спасибо!

– За что? – удивился Уильям.

– Это не тебе, – рассмеялась Элли. – Ты еще получишь.

– А зачем мы его преследовали? – спросил Уильям.

– Просто так, – ответила девочка. – Идем!

Но даже такая неутомимая егоза, как Элли, не могла носиться по Лесу весь день напролет. И потому, едва только она выкарабкалась обратно на бугор, над которым склонялась полная крона лесной липы, она уселась прямо там, в сплошной тени листвы, и тут же вытянула ослабшие ножки. Уильям неуклюже, то и дело соскальзывая и возя белыми рукавами по рыхлой бурой земле, поднялся к ней. Теперь она опять молчала, но Уильям решил ни о чем ее не спрашивать, – и тогда она смешно завалилась на бок, как барсук в своем глубоком убежище, и так же сладко уснула, забыв о мальчике с незнакомой палубы; но он вовсе на нее не обиделся.

Охраняя покой девочки, Уильям просидел под сенью липы несколько часов. В конце концов он сам нечаянно прикорнул – и проснулся, когда принцесса уже деловито сновала в желто-красном полумраке кругом бугров. Разглядев Уильяма, она взобралась наверх, почему-то прижимая руки к груди, и устроилась возле него.

– Смотри, что у меня есть, – похвасталась она и протянула ему целую пригоршню сушеных черных ягод.

– Что это? – спросил он.

– Бузина. Здесь неподалеку есть норка, как у барсука. В ней никто не живет, и я складываю там ягоды. Это называется тайник!

Уильям взял одну ягоду и сунул в рот.

– Почему они такие жесткие?

– Они лежали зимой и весной, – пояснила Элли. – Тебе не нравится?

– Они странные, – промычал Уильям, высунув язык. – Э-э-э...

Вдруг он начал плевать во все стороны и схватился за горло. Рот наполнился немислимой горечью, а тошнить стало так сильно, что он нагнулся к земле и выдал зловещее «О-о-о!», высвобождая все то, что было съедено утром дома. Элли смотрела на это круглыми от удивления глазами, а потом разроняла свою пригоршню и заплакала.

– Я думала, это хорошая бузина! – оправдывалась она сквозь слезы.

Уильям еще раз сплюнул, ему полегчало, и он с отвращением глянул на землю.

– Элли, не плачь! – серьезно сказал он. – У тебя есть вода?

– Вода? Тут недалеко ручей...

– Ручей? – переспросил Уильям.

Впрочем, должен ли он был так удивляться? Разве на острове не было множества ручьев – широких, полноводных, живых?

– Да, он приходит каждую весну, – всхлипывая, еле слышно пролепетала девочка. – Идем.

Она отвела его к истоку, скрытому в кольце из больших камней, поблизости от барсучьей норы. Там Уильям вдоволь напился чистой воды. А Элли, отвернувшись от него, продолжала хныкать. Вся живость в ней впервые иссякла.

– Я найду хорошую ягоду... – шептала она.

– Мы найдем вместе, – утешил ее Уильям. – Не плачь, мне уже совсем не так плохо. Нет, даже лучше прежнего!

– Врун, – проворчала она.

– Нет, теперь правда, – весело сказал он и взял ее за руку. – И еще мне теперь будет что сказать маме, если я опять опоздаю. Скажу, что у меня заболел живот и я не мог выйти на берег. Как по-твоему, я хорошо придумал?

Элли, успокоившись, кивнула.

– Ты уйдешь прямо сейчас?

– Надо вернуться до заката, – ответил он. – А солнце уже совсем заходит.

И тогда принцесса приободрилась и утерла слезы.

– Вот и нет, – хитро сказала она.

– Как? – удивился Уильям.

Она засмеялась и ответила:

– Я и сама не знаю, честно-честно!

Прежде чем расстаться, они ненадолго сели возле своего дуба.

– А у меня скоро день рождения, – не без гордости сообщил ей Уильям, и не без сожаления – в глубине души.

– Здорово! – вновь оживилась Элли. – А что это за день рождения?

Уильям замялся.

– По-настоящему был только один такой день, а это... В общем, раз в год я становлюсь умнее, или взрослее, или что-то вроде того. Наверно, одно из двух – взрослее или умнее. Я не помню точно.

Элли как-то неловко опустила каштановую голову.

– Я бы очень хотел тебя позвать, все теперь кого-нибудь зовут к себе на день рождения. Сплочение, как мама говорит, и все такое прочее. Но ты же не хочешь, чтобы о тебе узнали...

Элли вскинула глаза.

– Да, и если бы хотела, то все равно не пришла, – гордо сказала она. – Мне не место среди них. Да и, по-моему, это совсем не весело.

– Откуда же ты знаешь? – рассмеялся Уильям. – Я тебе только что про него рассказал!

– Я так думаю, – ответила девочка. – И ты сказал – раз в год. Что это значит? Объясни!

– Раз – это когда что-нибудь случается. Я нашел тебя раньше – это был раз. Сегодня – еще раз. Вместе два раза... два дня. Все-таки тебе надо выучиться считать. А год – это тоже раз, только очень медленный. Год... – Уильям умолк на секунду, но все же нашелся: – Зима, весна, лето, осень... Вместе – год. Мой день рождения – семь годов... лет. В этом году.

– Поняла! – с жаром кивнула Элли. – Значит, год – это много дней! И ты хорошо помнишь этот... раз в год?

Мальчик задумался.

– Не очень, – наконец признался он. – Но если бы ты пришла, я бы запомнил.

– Я бы не пришла. Нет, – лукаво улыбнулась девочка, – не надейся!

– Жаль. Сегодня же последний день, – так удрученно отозвался Уильям, что и у самой Элли мигом испортилось настроение.

– А когда будет еще... раз? Когда ты придешь? – с новой тоской в голосе спросила она.

– В июле, через шестьдесят шесть дней, – уже радостно ответил Уильям. Радовался он тому, что не зря считал дни до выхода в Парк, помечая их карандашом на форзаце книги (чтобы эти пометки не затерялись среди других его рисунков). Элли такой ответ, напротив, огорчил еще больше.

– Шесть-де-сят шесть, – по слогам повторила она. – Это много? Надеюсь, не год?

– Когда чего-то ждешь, много, – кивнул мальчик. – Но не год, гораздо меньше. И я стараюсь не ждать. Ты тоже попробуй. Попробуй сделать что-то другое. Тут, в Лесу, столько всего можно найти!

– Обязательно, – пообещала ему Элли. Подумав, она спросила: – А ты что делаешь? Ну, как ты сказал, что-то другое?

У Уильяма, конечно, и тут был готов ответ.

– Я читаю книги, – сказал он. – Про Америго. Ты, наверно, думаешь, все это выдумки... Но выдумки в книгах куда интереснее, чем выдумки учителя.

Элли опять задумалась и невзначай подергала прядь волос на виске.

– Может быть, ты покажешь мне одну из них? – любопытствовала она, чуточку развеселившись.

– А ты умеешь читать? – поразился мальчик.

Конечно, Элли не умела читать. Но она дала ему слово, что научится. Вернее, он дал ей слово, что научит ее... в следующий раз.

Во время Праздника Америго, который, как вещал в своей речи учитель, продолжался двенадцать дней (начинаясь, согласно новому Своду законов, со второго понедельника мая), властители не только не прекращали наведываться в апартамент № ... – они приходили и в воскресенье, и нередко вдвоем или даже втроем; видно, Господа полагали, что в эти дни хозяйка, не участвующая в параде, занимается стряпней дольше обычного. Действительно, Мадлен не отходила от плиты все утро, стараясь как следует угодить домашним. В три или четыре часа пополудни она швыряла зеленый передник на большую кровать и звала Уильяма и Рональда. Те под страхом лишения сладостей и размышления напяливали торжественные костюмы (целый год спрятанные за резными дверями шкафа), – и вся семья отправлялась на 3-ю Южную улицу, которая встречала к этому часу шествие почтенных ряженных.

В честь обитателей острова, готовых принять гостей в любую минуту, на Корабле проводился большой парад костюмов и масок. Герр и фрау Левские и их приемный сын присоединялись к длинному ряду зрителей, оттесненных процессией к витринам собственной улицы. Родители, как все, начинали махать руками, непринужденно, громко восхвалять милость Создателей и вообще выражать восторг. Уильяма удивляло то, как они менялись в лучшую сторону. Мама, наряженная в кукольное зеленое платье с прозрачной пелериной на королевских плечах и слоистой юбкой, легко выходящая над коленями, становилась еще краси-

вее и будто бы даже еще нежнее на ощупь; недавно угрюмый отец не переставал улыбаться и иногда возбужденно подскакивал на месте – чтобы рассмотреть всю разноцветную процессию, не упустив ни одного яркого костюма. Многие ряженные держали над головой не менее яркие плакаты. Многие несли сувениры – разные покупные безделушки, символически напоминающие о Создателях. Зрители бросали им под ноги искусственные цветы, а из окон летели бумажные ленты и высыпались всякие дешевые сладости. Палубы не видели столько праздных красок ни в одно другое время, и это потрясало всех без исключения. У Уильяма все потрясения обыкновенно происходили в голове – от беспорядочного гула оконных стекол и несмолкаемых воплей взрослых, и спасения от них он искал у любимой матери: то в животе ее, то в спине, то в боку, описывая на ней круг за кругом.

Праздник запоминался пассажирам, помимо прочего, церемониями бракосочетания. Получив в одном из Отделов Ратуши вожделенную бумагу, молодожены, сопровождаемые родственниками и друзьями, выходили к борту и кланялись огромному небу, которое видели прямо перед собой; благодарность от них принимали сами Создатели. Они складывали друг на друга четыре ладони, приспускали их к палубе, – а потом, ликуя, поднимали в воздух маленький Корабль брака. Позади них все те, кто не решался подойти ближе к фальшборту, шумно превозносили мудрость и милосердие творцов. Когда завершали благодарности, толпа уходила смотреть на парадное шествие, а новоявленные супруги, если позволяло их общественное положение, отправлялись на званый обед к какому-нибудь властителю или собственнику.

Пока взрослые потешались, дети (кому не посчастливилось провести эти дни в Парке Америго) оставались в недоумении. Они еще не понимали, зачем нужны такие громкие празднества, хотя и завидовали радости родителей. Они подолгу глазели на полки магазинов, заставленные красочными сувенирами, и частенько получали такие подарки, которые несколько оправдывали весь шум и растрату сладкого. Они были не прочь примерить всякие забавные костюмы, но, увы, в параде разрешалось участвовать только взрослым, и только в Праздник Америго – предназначенный для праздностей, от которых родители ревностно отучали детей весь год.

В этом году Уильяму удалось схитрить. Случай с ядовитой бузиной помог ему избежать толкотни на параде: он сказал матери о странной ягоде, которую съел, и легкой боли в животе. Он не солгал: порой он и впрямь чувствовал себя нехорошо, особенно когда выходил в Школу до праздников. На этот раз к доктору решили не обращаться, но мальчику было позволено сидеть дома весь день; нарядный белый костюмчик для парада остался висеть в старом резном шкафу.

В день своего рождения Уильям получил от отца и матери сразу два подарка. Мадлен заказала для него в ателье при «Зайденкляйд» мягкую зеленую подушку. На этой подушке ничего не было вышито, но на красивом покрывале она напоминала пологий холм – или даже пригорок! Уильям одобрил такое сходство. А отец преподнес ему новый набор цветных карандашей! В этом не было ничего удивительного: через некоторое время такой набор должен был понадобиться для занятий в Школе. Но Уильям хитро улыбался, зная, что найдет этим карандашам применение куда интереснее.

И он нашел: до самой середины июля, пока на палубе не сделалось совсем душно и у фонарей на большой площади не начали снова расти короткие тени, он рисовал. Рисовал прекрасную Лену – в парадном наряде с короной на голове. Рисовал высокую башню Ратуши, кондитерскую со всеми сладостями, старинные статуи, хладорожденного волшебника Криониса, ледяную женщину в песках, рыжеволосую фею Сору, древнего мудреца-гиганта и других персонажей книг, подземную пещеру из хрусталя, заснеженные горы... и, конечно, Парк и Элли. В наборе, правда, не было подходящего цвета для платья девочки, только чересчур светлый голубой и чересчур темный синий карандаши. Уильям накладывал один цвет на другой и все

же добивался некой похожести. Он хотел еще изобразить ее лицо на весь лист, но никак не получались ее глаза – то, как они блестели на свету, просачивавшемся сквозь листву деревьев, как тускнели в огорчении, как посверкивали в недовольстве, на рисунках не умещалось. Мальчик сметал свои попытки канцелярской резинкой, иногда брался за все сначала, и странные безглазые портреты копились в деревянном ящике под кроватью. Когда это наскучивало, он рисовал цветы, деревья и животных Леса, с которыми ему довелось повстречаться за два дня и одну ночь пребывания в нем.

Он не забыл и о своем обещании. Ему до щекотки в ушах было интересно, что скажет о его книгах Элли, когда научится читать. О том, чтобы утянуть в Парк Америго сразу все книги, не могло быть и речи, – их ведь было много, и они хранились не в ящике, а на полке, на виду у родителей, – но Уильям решил, что если будет брать по одной или по две, то никто не заметит. Надо было только возвращать книгу на место к ее товаркам до воскресенья, когда мама по обыкновению протирала их от пыли.

Больших книжек с фигурками из цветного картона у него уже давно не было (родители раздали их знакомым семьям), и тогда он выбрал такую, в которой было больше всего иллюстраций и самый крупный шрифт. Вечером перед долгожданным первым днем последнего в учебном году выхода в Парк он спрятал ее под новой подушкой, а наутро тайком сунул за пазуху (благо книжка была тонкая и в податливой мягкой обложке) и с успехом пронес ее в Лес – мимо строгого взгляда учителя и насмешливых глаз других детей.

Элли сидела на высоком суку старого дуба и бесстрашно раскачивала босыми ногами, пожевывая какой-то крохотный листик. Увидав зоркими глазами приближающегося мальчишку, она тут же соскочила на землю, перекатилась как ежик и уставилась вверх на крону дерева так, будто видела ее впервые.

– Я теперь понимаю, для чего считать, – мрачно сказала она, когда Уильям подошел вплотную. – Я все думала про шестьдесят шесть. Теперь я знаю, что это – шестьдесят шесть. Лучше бы мне не знать!

– Значит, ты все время ждала, – покачал головой Уильям. – А я думал, ты будешь чем-нибудь занята в Лесу.

Но Элли не обратила на эти слова внимания. Она быстро повернулась и дернула его за нос, отчего он попятился. Девочка засмеялась.

– Уильям! – радостно сказала она. – Ты такой Уильям! Как твой день рожденья? – Она уже запрыгала вокруг него, сгорая от любопытства.

– Хорошо, – кивнул мальчик. – Это был хороший раз в год.

– А ты стал взрослее? или умнее? взрослее? или умнее? – заладила она, игриво прищуривая то один, то другой зеленый глаз.

– Не знаю, – признался Уильям. – Наверно, стал умнее. Хотя повзрослеть мне тоже хочется.

Элли перестала скакать и ошарашенно поглядела на него.

– Взрослым? Ты хочешь стать взрослым? – прошептала она.

– Ну а что? – ответил ничего не подозревающий мальчик. – Вдруг это здорово! Можно брать по пять кусков пирога, покупать новые книги, читать газету и пить размышление. Еще, – задумался он, – можно пойти в Кораблеатр, хотя я даже не знаю, что это такое... А взрослые знают столько всего!

– И про меня знают, да? – уточнила Элли. – И про Лес?

Уильям немного смутился.

– Если ты станешь взрослым, – продолжала она, – ты станешь одним из них. И никогда меня не увидишь.

– Но...

– Не увидишь! Не догонишь – не увидишь! – внезапно взвизгнула она и обратилась в бегство.

– Элли, ты что! – завопил мальчик.

Но что делать! – он выронил свою книжку и побежал за ней. Похоже, Элли всерьез решила от него удрать: если раньше она и оборачивалась, и останавливалась, чтобы над ним посмеяться, и давала поймать себя за руку, то теперь, легкая, шустрая, стремительная как птица, не теряла ни секунды! А Уильям пытался смотреть под ноги, но и упустить ее вовсе не хотел и только прибавлял ходу. Большие поваленные стволы и крутые камни он мог преодолеть так или иначе, но первая же мелкая ловушка, подставившись ему упругим кривым корнем, бросила его на землю ничком; он ударился носом и разрыдался. Книжные принцессы отвергали поклонников, уступавших другим в силе и ловкости, находчивости и упорстве, и в конце концов выбирали тех, кто был хитер и умел, вынослив, непоколебим, достоин сразиться с любым зверем, любым злодеем – и даже с самой судьбой... Он вспоминал эти истории одну за другой, понимал, что заканчивались все они одинаково, и слезы лились, лились, лились, и он был, оплакивая пропажу принцессы с изумрудными глазами, и под носом, по губам стекали кровавые струйки. А глаза вскоре появились прямо над ним. Сперва они удивленно и растерянно его разглядывали, потом бледная рука робко притронулась к затылку.

– Ну что ты, это ведь понарошку... про догонишь. Вставай!

Элли была очень странная принцесса.

Кровь ей была не так страшна, как рвотная масса, и удивляться тут было нечему: ей самой, видно, никакая рана не делала большого вреда. Во всяком случае, она очень быстро отыскала траву тысячелистника и запихала в обе ноздри Уильяма по горсточке белых цветков. Затем она заставила его съесть с десятка крошечных оранжевых ягод из ближайшего своего тайника.

– Облепиха, – пояснила она. – Не бойся, эту я уже ела сама. Ту бузину я просто не пробовала.

Когда кровь остановилась, Уильям успокоился и вспомнил про книгу, и тогда они вернулись к своему большому дубу. Элли с недоверием глянула на зверька, намалеванного на выдавшей виды обложке, – у него была круглая рыжая голова со вздернутыми рыжими ушами, черные лапы и пушистый, слегка выгоревший рыжий хвост.

– Что здесь читать? – осведомилась она.

– Здесь написано: «Приключения лиса Людвиг в большом лесу острова Америго и на дворе у людей», – объяснил мальчик.

– Значит, там тоже есть Лес и лисы? – Элли широко раскрыла глаза.

– Ага, ага! – радостно подхватил Уильям. – Я говорил, что эти выдумки интересные!

– Поглядим еще, – ворчливо отозвалась Элли.

Они расположились под дубом. Уильям открыл книгу, нерешительно посмотрел на девочку с пытливыми изумрудами и взялся за чтение. Книжка была и вправду не из скучных, но Уильям, как вскоре выяснилось, умел читать вслух не намного лучше матери. Он не привык делиться книжными историями и поэтому то и дело уплывал в собственные мысли, голос его становился медленнее и тише или совсем прерывался. Элли морщила курносый нос и всюду сверкала глазами.

– Хватит! – крикнула она прямо ему в ухо. – Ты обещал, что я буду читать, а не засыпать. Это я и без тебя хорошо умею.

– Как же мне быть? – всполошился Уильям.

Элли подумала.

– Оставь ее здесь, в дупле, и пойдем пока искать ягоду!

– Какую ягоду?

– Бузину, конечно!

Оказалось, что в дупле старого дуба Элли устроила свой самый большой тайник – там на выстланном лопухами дне громоздились целые горки лесных орехов и сушеных грибов. Уильям понял, что это и есть ее пропитание, и спросил названия этих вкусностей, чтобы сравнить их с книжными. Элли вместо ответа разгрызла острыми зубами скорлупу нескольких орехов и предложила их ему.

– Когда придет осень, я снова буду собирать их про запас, – весело сказала она, – и ты, Уильям, поможешь мне!

На сей раз Уильям провел все двенадцать дней в Лесу, никто – и прежде всего он сам – не мешал ему видаться с Элли. Все это время он действительно пытался научить ее читать.

Поначалу он хотел вызубрить с ней буквы и буквосочетания, но она не могла или не хотела запомнить их все и вечно путалась в слогах и закорючках, превращающих одну букву в другую. В конце концов он плюнул и предложил ей запоминать написания слов целиком. И тут она уже, как бы это ни было удивительно, начала схватывать прямо-таки на лету и скоро могла читать предложения, и не по слогам, как другие дети, а, наоборот, быстро и без остановок, не замечая пробелов и знаков препинания. При этом она совершенно понимала написанное, но Уильям все-таки заставил ее выучить, что значат точки и запяты.

– Зачем? – недоумевала она.

– Ты ведь, когда разговариваешь со мной, не сливаешь все слова в одно, – назидательно отвечал ей Уильям.

– А с книгой я говорю не так, как с тобой!

Она пожимала плечами, но знаки препинания все же учила и отвечала их Уильяму, перед тем как они отправлялись на лесную слежку. Он задавал ей прочесть какое-нибудь предложение, отметив голосом запятую или восклицательный знак. Когда лисенок Людвиг в поисках еды набрел на фермерский двор и впервые встретил настоящего человека, тот крикнул очень страшным голосом; ну а Элли на его месте, как обычно, задорно взвизгнула.

– Да разве человек с такой бородой станет кричать таким тонким голосом? – захохотал мальчик.

– Твой, может, и не станет, – обиженно ответила девочка, – а мой так и закричал. Кстати, что это такое – борода?

Начитавшись, они прятали книгу обратно в дупло и уходили искать ягоды – бузину, чернику и землянику. Им даже случалось находить всякие новые ягодки – яркие, крупные, привлекательные. Элли пробовала их первой.

Во втором году детей перестали отпускать домой по утрам в те будние дни, когда в Парке занимались другие ученики. Взамен этого их отводили заниматься в новую аудиторию – где точь-в-точь счастьем и взаимной теплотой людей и животных был расписан высокий свод и стояли такие же статуи из папье-маше. Эта аудитория была наполнена, помимо скамей, столами для письма и чтения, на которых можно было держать рисовальные принадлежности. Рисовали, конечно, Создателей, берега вожделенного острова, его великолепные страны и их многочисленных жителей.

Спустя некоторое время ученики знакомились еще с одной комнатой – сравнительно небольшой, с обыкновенным, сравнительно низким потолком. Она называлась «Научные Издания»: в ее шкафах жили разные школьные книжки. Под присмотром учителя ученики получали у хранителя этой комнаты увесистые Книги Заветов. Детские издания несколько отличались от взрослых – в них были прекрасные цветные иллюстрации и легко читаемый текст.

Осенью, когда Парк Америго окрашивался в новые краски, Создатели разбавляли тепло падающей прохладой и короткими грозowymi ливнями.

Элли не боялась дождя. Ей, напротив, ужасно нравилось выскакивать на пригорок как раз в ту минуту, когда надрывались темные облака, подсвеченные разрядами молний и рассеянными лучами; она заливисто укала от восторга, набирала воду в ладони и с удовольствием промокала до нитки. Смело разглядывала тяжелое небо – и улыбалась грому, как старинному приятелю. Уильям долго прятался под деревьями, но потом ему наскучило зябнуть в одиночестве, и он присоединился к принцессе. И, пока он слышал ее смех, ему самому ничего не было страшно! Скоро возвращалось солнце, пахучие, снова цветшие ирисы жизнерадостно поднимали свои вислуохие синие головы, и Элли звала его собирать созревшие орехи.

– Ты же не умеешь лазить по деревьям, верно? – с подозрением спросила она, когда они в первый раз отыскивали большую лещину.

– Не очень, – ответил Уильям.

– Тогда лови, – велела Элли и в мгновение ока вскарабкалась на одну из самых высоких веток. Ее платье будто бы немного укоротилось, чтобы не цеплять за сучки на стволе. «Чудеса!» – подумал Уильям и получил орешком точно в лоб, а сверху послышался довольный хохоток.

– Складывай их в кучу! – крикнула Элли. – Мы отнесем их в дупло... или поищем пустую норку!

– А чего еще можно запасти? – спросил Уильям, задрав голову. Элли швырнула вниз новую горсть орехов и освободившейся рукой почесала нос.

– Семена сосновых шишек. За ними надо идти далеко... Мы пойдем?

Они договорились, что мальчик будет помогать ей собирать запасы каждый год.

IV

Пока Уильям исследовал Лес, на берегу, где играли остальные дети, происходили некоторые изменения. Рано или поздно ученики узнавали друг от друга общественное положение родителей и затевали новую игру. В день, когда решали делиться, берег Парка на время совершенно пустел (никому не хотелось обсуждать столь важные вещи в присутствии учителя, хотя бы и спящего), дети выбирали ближайшую полянку, сходились все там и принимались кричать и доказывать друг другу свои достоинства, претендуя на то или иное положение. Скоро от этих споров делалось совсем жарко, и земля Парка оседала под кучей малой дерущихся. Потом дети, понимая наконец бессмысленность таких обсуждений, отползали друг от друга подальше, потирая царапины и ушибы и задыхаясь в стоящей кругом пыли. Тогда вопрос разрешали мирно: дети Господ (или из тех семей, где к Господам принадлежал отец) отныне звались «Господами», дети собственников – «собственниками», а детям рабочих не оставалось ничего, как признать себя наследниками родительской службы.

Бывало и так, что из семьи рабочих происходил какой-нибудь особенно дерзкий мальчонка, не обращавший ни на кого внимания, а то и не боявшийся наподдать кому-нибудь как следует, еще до того, как начиналась большая драка, и он становился «Господином». Или девочка, выросшая в семье Господина, но в Парке Америго привыкшая не ссориться, а обмениваться с другими детьми ценными находками и много болтать о всякой всячине, хитростью набивалась в «собственники». Так или иначе, ученики разделялись на три неравные группы: «рабочие» – они составляли большую часть, «собственники» – их не набиралось и четверти, и «Господа» – а этих было и того меньше.

Когда учитель видел замаранные костюмчики и разгорающиеся ссадины и шишки, он созывал учеников и говорил так:

– Сила дана нам Создателями для сплоченного труда, сила дана ими нам для нашего терпения, сила дана творцами для любви к ним и к Америго! Растрачивая ее праздно, мы сбиваемся с пути к Цели, питая в себе одно праздномыслие! Спрашиваю вас, друзья мои – разве не хотите вы презреть это праздномыслие во имя Америго и высших Благ?

Дети пристыженно молчали.

– Благоразумный пассажир не обращает свою силу в зло, ибо он почитает труд – а каждый из вас есть труд и плод труда вашей семьи, ее надежда и надежда Корабля, надежда самих Создателей. Благоразумный пассажир не обращает свою силу в зло, ибо он желает высших Благ, которые принесут ему вечную радость. Благоразумный пассажир не обращает свою силу в зло, ибо он хранит в своем сердце образ Создателей, а Создатели не причиняют зла и боли, и их одежды чисты!

И ученики с грустью разглядывали свои истерзанные костюмы.

В большой игре в положения рождалось еще множество забавных игр. Одна такая игра называлась «Или не Господин?». Юные «Господа» смыкались ненадолго в тесное обсуждение, после чего кто-то из них выходил вперед и остальные хором задавали ему вопрос, больше похожий на приказание: «Можешь издать закон – или не Господин?» Тогда вышедший ученик гордо поднимал правую руку, подражая учителю, и во всеуслышание провозглашал какой-нибудь «закон»: все теперь должны были выворачивать пиджаки и жакеты наизнанку, или ловить букашек (иногда таких, которые могли хорошенько цапнуть в ответ на посягательство), или поочередно висеть на суку указанного дерева (если кто падал, того забрасывали комками земли, чтобы ему стало стыдно за свои одежды перед учителем и творцами). Случались довольно буйные задумки, вроде такой: одному «рабочему» или «собственнику», избранному «законом», было велено достать ключ из кармана блузы спящего учителя, наложить себе за пазуху мел-

ких камней, затем выбраться наверх, открыть ворота Парка, добежать до ближайшей лавки и попасть камнем в рисунок на витрине (или, на худой конец, в одно из обычных окон), затем вернуться на берег – оставшись незамеченным. Чтобы «закон» исполнялся без праздных уклонений (все уже хорошо понимали значение слова «праздный»), беглеца сопровождал один из «Господ» (разумеется, отнюдь не тот, кто провозглашал «закон»). «Рабочие», не желающие отставать, заводили похожую игру, с вопросами вроде «Можешь съесть эту зеленую букашку – или не рабочий?» или «Можешь сделать вот такой кувырок – или не рабочий?». «Собственники» обычно были зрителями: пользуясь всеобщей увлеченностью играми, они присваивали большую часть учительских подачек, рассаживались вдоль берега и наблюдали, непрерывно жуя, сплетничая и смеясь. Правда, «Господам» ничего не стоило придумать «закон», который обязывал «собственников» щедро делиться сочными плодами. Но те не унывали, даже когда пустел холщовый мешок – они отдавали его «рабочим» в обмен на лесные находки, а «рабочие» придумывали ему новые применения, которые часто приводили все к тем же позорным травмам.

Эти игры не только приносили много веселья, но и подтверждали принадлежность к той или иной группе. Впрочем, как-то раз игра едва не закончилась преждевременным отбытием одного из детей. Молчаливый мальчик Кевин Гройц, хотя и был сыном Господина, терялся на берегу как песчинка, и даже если он пытался с кем-то заговорить, никто не обращал на него внимания: голос у него был пискливый и почти неслышимый в толпе. Он, конечно, стал «рабочим», и когда до него дошла очередь в игре, дерзкий и бесстыжий Клифф Грунт (который легко мог бы сделаться «Господином», будь он хоть капельку поумней) предложил остальным очень забавную, по его мнению, штуку. Они тут же разделили это мнение, и все набросились на тихоню Кевина со словами: «Можешь прыгнуть в ров – или не рабочий?» Кевин посмотрел в песок, помедлил, затем повернулся и вправду сиганул прямо в воду. Раздался громкий всплеск, и тихий пискливый Кевин вдруг истошно заорал. Ров был довольно глубокий, а плавать никто из детей, конечно же, не умел. К счастью, Кевин вовремя уцепился за какой-то выступающий камень, но вопить не перестал, и тогда пробудился учитель, который тотчас же вытащил его на берег сильными руками.

– Не дайте Океану соблазнить себя! – гневно кричал потом учитель, выстроив перед собой напуганных детей. – Океан несет гибель! Творцы не спасут вас, если вы сами отдадите себя смертоносному Океану! Слушайте вашего учителя! Слушайте Господ! Слушайте Создателей!

Кевин, смотревшийся жалко в своем тяжелом мокром костюме, продолжал отчаянно орать, и его проводили домой (так как это приключилось в воскресенье). Дома он сам принял внушительную порцию благоразумия и терпения и вскоре смиренно заснул как ни в чем не бывало.

Вид промокшего пиджака, как ни странно, натолкнул детей на новую идею. Ни у одной из групп прежде не имелось никаких знаков отличия – все были одеты в одинаково белые костюмы с шортиками и юбками, мальчики носили одинаково короткие волосы, девочки – короткие пышные хвостики. . . А теперь, когда учитель отходил ко сну, «Господа» обрызгивали свои пиджачки и жакеты водой из рва (осторожно, они все-таки начали опасаться этой воды) и после этого, изукрашенные темными пятнами, разгуливали по берегу, стараясь не выступать из-за тени, чтобы ненароком не высохнуть. Но спустя какое-то время им надоело мочить одежду, и тогда появился такой порядок: «Господа» оставляли на себе целый костюм, «собственники» снимали белый пиджак или жакет, а «рабочие» спускали чулки и раздевались до пояса. Это касалось даже девочек, хотя у них под блузками все же оставались еще легкие белые камисоли, снимать которые они отказывались наотрез (никто и не спорил, все равно их уже было нетрудно отличить от «собственниц»).

С того же года ученики повторяли за учителем символические движения рук: перед тем, как он произносил речь, они поднимались со скамей и так же склонялись к своим башмакам и возводили руки, а учитель наблюдал за ними, одобрительно кивая. Окончив главную речь о Заветах, он начинал говорить об острове, о его обитателях, о Празднике Америго, о небесных светилах и стихиях, и даже об Океане.

– Океан, – говорил учитель, – был однажды бескрайней далью, мертвой и беспросветной, над ним тяготели мрачные тучи, выше которых не было ни солнца, ни звезд, ни луны, а только безликая пустота... Мудрые Создатели вознесли на небеса светила, чтобы мы могли видеть друг друга, видеть Блага земли Америго и злобу синего Океана. Они разорвали тяжелый пласт грозных туч, чтобы свет проник на берега острова высших Благ...

– Учитель! – раздавался чей-то голос.

Теперь ученики получали право задавать вопросы.

– Я слушаю вас, герр Шефер!

– Если наверху ничего не было, откуда же пришли Создатели?

– Этого я не знаю, – с улыбкой отвечал учитель. – Я знаю, что наш чудесный Корабль скоро опустится на остров высших Благ – и тогда мы будем говорить с Создателями, тогда мы будем вознаграждены за наше терпение, тогда мы услышим от них ответы, которые не находим в писаниях! Для нас Создатели незримы, – продолжал он. – Они незримы, но они смотрят за нами и наставляют нас на верный путь, давая волю и мудрость нашим Господам... На Америго и только на Америго откроются наши глаза так, чтобы мы лицезрели творцов и говорили с ними! Лицезрение будет наградой нам за любовь, которую мы несем на Корабле, и труд, который мы прилагаем на Корабле... – Тут он мрачнел сильнее тучи и обводил взглядом аудиторию. – Но бойтесь, друзья мои, сделаться глупцами, которые отвергнут благодатный берег Америго... ибо им суждено оказаться на дне Океана, стать бескрайним злом и вечными муками!..

Мало-помалу дети начинали бояться Океана только от его слов и приучались радоваться тому, что под их ногами твердь – будь то земля Парка, мощеная улица палубы или домашний пол. Когда кто-то из учеников задал вопрос о смерти, учитель ответил так:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.